



Николай Удовиченко

ГОЛУБЫМИ ДОРОГАМИ МИРА

18+

Николай Яковлевич Удовиченко

Голубыми дорогами мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41611956

SelfPub; 2019

Аннотация

Уважаемые читатели! Книга "Голубыми дорогами мира" состоит из рассказов и небольшой повести. Все взято из жизни. Автор много лет проработал в море, поэтому многое в книге связано с ним.

Содержание

Лондонские соревнования	5
Лапа якоря холла	17
Расстрельный развод	36
Гимочка	67
Конец ознакомительного фрагмента.	108



Лондонские соревнования

Я шел по Лондону без цели и без дела. Моросил мелкий, тягучий дождь. Ничего не хотелось, разве что выпить! Наше судно стояло в порту, был разгар советских ограничивающих законов и в увольнение нам можно было ходить только группой. Мы и ушли с судна группой. Но так как все мы работали на этом судне давно, хорошо знали друг друга, то выйдя с судна и договорившись о встрече для возвращения, группа разбрелась кто куда. Я пошел бродить по своим любимым небогатым кварталам, где жил и работал в основном рабочий люд и «синий воротничок». Я сам вышел из крестьянской казачьей семьи и всегда любил рабочих, лавочников, мелких клерков, людей, добывавших свой хлеб нелегким трудом. Во многих городах мира люди платили мне тем же.

Я подошел к скверу. Из паба напротив послышался крик: «Привет, Ник! Как дела! Сто лет не видел тебя! Зайди, почесем языки». Я узнал Стива, моего старого знакомого, любителя поговорить, выпить, безумно любившего армянские анекдоты и хорошеньких женщин. С ним никогда не было скучно. Я махнул ему рукой и начал пересекать улицу. В его пабе было пусто. Он чем-то напоминал мне Клауса Ноймана из Штральзунда в ГДР, и в разговоре с ним я часто сбивался на немецкий.

Я подошел к пабу, Стив вытащил на улицу два стула, сто-

лики на улице стояли.

– Посиди, я сейчас. Что будешь – сосиски или ростбиф?

– Стив, лучше сосиски. Но мне что-то не хочется есть.

– Сейчас захочется, – ухмыльнулся он.

Стив принес сосиски и бутылку шотландского виски, стаканчики.

– Как пить будем, по-английски или по-русски?

– Стив, смотри сам.

– Ты что-то сегодня не в настроении. Придется по-русски.

Он быстро нырнул вовнутрь паба и притащил два пивных стакана. Налил в оба грамм по 150 виски, поднял свой.

– Ну, чтобы мои друзья никогда не скучали!

Он лихо выпил свой стакан, за ним и я свой. Жизнь сразу начала казаться в другом цвете.

– Давно пришли? – спросил Стив.

– Ночью.

– Откуда?

– Из Коломбо, чай и копру вам привезли.

– Чай хорошо, а вот копра не знаю, кому нужна. Лучше бы виски привезли.

– Виски тоже возим. Из Канады, из США.

– Канадцы делают неплохое виски, там много живет шотландцев, уэльсцев. А что могут сделать в США эти чванливые обезьяны, я не могу себе представить. Они и выпить толком не умеют, знают себе только работать да свою жвачку жевать.

Я попробовал разубедить его, сказал, что в США живет много хороших людей. Он только пренебрежительно махнул рукой.

– Обезьяны есть обезьяны. Им место в зоопарке.

У Стива была прямо-таки патологическая неприязнь к американцам из США. Про причину я никогда не спрашивал. И согласен с ним я не был. Я знаю американцев из США – сильных, уверенных, напористых и работающих людей. Он ловко сплюнул.

– Кстати, вчера познакомился с такой леди, слов для описания не нахожу. Обещала зайти сегодня. У меня от ее вида ноги ватными становятся.

– Смотри не упали перед ней, а то жена тебе голову открутит.

У Стива была красавица жена и две дочери, уже большие.

– Жена не узнает. Пусть своими делами занимается.

Налили еще по одной. Пошла тоже отлично.

В паб Стива зашли трое посетителей. Были это обычные рабочие ребята. Сели за столик в ожидании. Стив бросил мне какую-то газету.

– Почитай пока. Нужно парней обслужить.

И он ушел к посетителям. Я, от нечего делать, начал перелистывать газету. Ничего интересного она не представляла. Доперелистывал до последней страницы. И вдруг мой взгляд зацепился за то, что показалось мне интересным. Объявление гласило: «Только для мужчин. Соревнования по мату.

Денежные призы. Первый приз 10 тысяч фунтов стерлингов. Вход 20 фунтов стерлингов. Вход для женщин только под их роспись». И адрес. Подошел Стив.

– Смотри, Стив! Интересное объявление. Не хочешь сходить?

– Да, действительно интересно. Но не пойду, я же от своего паба завишу, как от воздуха.

– А где это? Далеко? Я как-то был на таких соревнованиях, но это было в другом месте.

– Нет, выйдешь к трамваю, сядешь на номер 15 и на четвертой остановке сойдешь.

– Я, пожалуй, съезжу.

– Твои способности в этом деле знаю. Наверняка выиграешь – засмеялся Стив.

Мы с ним выпили еще, и я направился к трамваю.

– Потом зайдешь, расскажешь. А если будут затруднения, то звони, я приеду.

– Хорошо, Стив.

Я вышел из паба и прошел наискосок к трамвайной остановке. Ждал минут 10, пока подошел мой трамвай. Порывшись, нашел лондонский трамвайный билет, валявшийся в портмоне с незапамятных времен. Сел в трамвай, трамвай тронулся. На четвертой остановке я сошел. Нашел номер здания и увидел объявление, которое читал в газете. У объявления крутился полицейский. Я направился к входу в помещение, где проводились такие интересные соревнования.

На входе приобрел входной билет за 20 фунтов стерлингов.

– Вы будете просто зрителем или хотите участвовать в соревнованиях? – спросил меня здоровенный рыжий парень.

– Буду участвовать.

– Тогда заполните вот этот листочек.

Я заполнил.

– Когда зайдете, отдайте его жюри.

– Хорошо.

Я, зайдя в зал, где сидело довольно много народу и, подойдя к жюри, отдал им листок.

– Садитесь в этот ряд, там сидят участники соревнований, – сказал мне один из членов жюри, в очках и с бородкой. – Мы вас позовем.

– Хорошо.

И я сел на отведенное мне место. В зале было довольно шумно. Зрители накачивались пивом, а кое кто прямо из горлышка пил напитки покрепче. Я молча наблюдал зал и жюри, сидевшее лицом к залу на небольшой и невысокой сцене. Слышался смех, разговоры. Со мной в одном ряду сидели человек пять-шесть, это были участники соревнований. Один из них выделялся мощной фигурой и лицом отчаянного плута, пьяницы и бандита. Про таких один из моих друзей говорил, что ему бы при Сталине за морду дали бы 15 лет, я, вспомнив это, внутренне посмеялся. В жюри члены перебрасывали друг другу какие-то бумажки, о чем-то негромко спорили. Шла обычная подготовка к действию.

Один из членов жюри, сильно смахивающий на суслика и белку одновременно, с торчащими впереди двумя зубами, как это бывает у грызунов, поднял руку. Зал затих.

– Джентльмены, мы собрались здесь чтобы посоревноваться в сквернословии. Если кто-то против этого действия, то может покинуть нас. Присутствие абсолютно добровольное и мы никого не принуждаем. Я вижу леди среди нас. Я бы не хотел, чтобы она слышала то, что мы будем здесь проносить и очень советую ей уйти.

– Почеши свой голый зад разбитой бутылкой, а можешь поиметь секс с краснозадой макакой – сказала в ответ леди. Зал грохнул. «Суслик» видимо не впервые слышал такое и был абсолютно спокоен.

– Итак, приступаем. Первым заявку подал Энтони Брюс. Энтони, прошу.

В зале встал и направился к сцене рыжий верзила, в плечах шириной метра два и с кулаками с мою голову. Он прошел на сцену.

– Ну, скажите, пожалуйста, ваш шедевр – сказал «суслик». Верзила немного задумался и выпалил:

– Засунь в зад ежа и при этом не выпускай газы – выдал верзила.

Зал захохотал, раздались выкрики «Браво, Энтони!». Раздались аплодисменты. Энтони пошел в зал и сел на свое место.

– Следующий подал заявку Герольд Смит. Прощу, Ге-

рольд – сказал «суслик».

К сцене пошел ничем не выделяющийся парень лет тридцати. Вышел на сцену, перемнулся с ноги на ногу. «Суслик» ободряюще улыбнулся:

– Давайте, Герольд, начинайте.

– Секс по-папуасски, – и добавил такое, от чего и у пьяного боцмана свернулись бы уши.

Здесь зал уже взорвался, стоял хохот, раздавались выкрики. «Герольд, это что-то новое, возьмем на вооружение», – хохотал зал, девица, которая «леди», визжала.

Герольд пошел в зал, самодовольно улыбаясь.

– Следующий подал заявку Мыкола Звездовски, это наш гость из Канады, – Прошу вас, Мыкола – пригласил «суслик».

В зале встал и пошел к сцене среднего роста худой и тонкий мужчина под сорок. Вышел на сцену, оглядел зал.

– Слушаем вас, Мыкола – пригласил «суслик».

Мыкола немного подумал. Затем выдал:

– Называется шутка турецкого султана в гареме...

Я не могу приводить здесь то, что сказал Мыкола, ни одна цензура это не пропустит.

Зал взвыл, раздался свист, крики, аплодисменты, посыпались из зала предложения выпить. Леди уже не только визжала и подпрыгивала, она плевалась и грозила Мыколе кулаком. Мыкола выпить не отказался и по пути к своему месту раза четыре приложился к горлышкам бутылок с виски.

Впереди меня было еще с десяток человек. Я не буду приводить то, что они выдавали на сцене. Так себе, среднее, что можно и на улице услышать. Я сидел слушал и ждал. И вот «суслик» взглянул на меня.

– Следующий Ник Ванин, из СССР. Прошу, Ник – «суслик» сделал широкий жест.

Я встал и пошел на сцену. В зале кое-кто меня знал и знал мое мастерство в мате. Раздались крики: «Ник, выдай! Про корову»! «Ник, про пьяного боцмана, первое место обеспечено»! – кричали из зала. Я поднаторел в мате давно, попав на флот и наслушавшись мастеров этого «литературного» феномена. Многие записывал, запоминал. Потом даже старые боцманы приходили ко мне с бутылкой водки и просили разучить несколько «моментов», как они выражались.

– Я очень уважаю желающих услышать от меня мои перлы. Но я не хочу повторяться. Поэтому я выдам вам кое-что свеженькое.

– Давай, Ник! Давай! Здорово!

Я сказал свою фразу. Сперва я подумал, что залу не понравилось. Зал стих и молчал. Так продолжалось с минуту – полторы. И вдруг затянувшуюся тишину взорвал рев, свист, топанье ногами, один из присутствующих разорвал на себе рубашку. Несколько человек бросились в восторге ко мне на сцену, но присутствующие секюрити и члены жюри остановили их. Зал неистовствовал, бесновался, прыгал, свистел, улюлюкал. «Суслик» выпучил глаза и у него был вид зады-

хающегося. Один из членов жюри встав и упершись головой о стол, качал нею и, икая, хохотал. Храбрая девица, которая леди, визганула так, что даже у меня уши заложило, а затем выскочила из зала, как ошпаренная. Кто-то вlepил в спину ей кожурой банана. Люди смотрели друг на друга, хлопали друг друга по плечам, смеялись и повторяли слова из моей фразы. В зале кричали: «Ник, еще что-нибудь!»

Я сказал еще. Зал буквально лег. Один из присутствующих лежал на полу на животе, бил ногами и руками по доскам пола и не хохотал, а мычал. По лицу его текли слезы от смеха. Затем зал начал скандировать: «Первый приз! Первый приз!». Так длилось минут пятнадцать. Но вот потихоньку зал начал стихать и наконец стало относительно тихо. Раздавались смешки и отдельные выкрики. Оставшиеся после меня человека три претендентов отказались выходить на сцену. Жюри село за обсуждение. Минут через двадцать жюри объявило свое решение. «Суслик» встал и сказал:

– Решение жюри следующее: первый приз и десять тысяч фунтов стерлингов присуждаются Нику Ванину. Далее, небывалый случай в истории наших соревнований – второй приз и семь тысяч фунтов присуждаются также Нику Ванину. Третий приз и пять тысяч фунтов присуждаются Геральду Смигу.

Зал восторженно зааплодировал и затопал ногами, раздались одобрителыные крики. Я прошел к жюри и попросил разрешения позвонить. Позвонив Стиву, я ему рассказал о

соревновании и моих аж двух призах.

– А сейчас, Стив, готовь свой паб, я тебе приведу всех присутствующих – сказал я ему.

– Ник, у меня сегодня будет прибыль, как никогда. Я сейчас позвоню жене и дочерям, чтобы ехали помогать.

Зал начал пустеть. Взяв у «суслика» выписанные на меня чеки, я вышел на улицу. Все вышедшие из зала были здесь. Меня начали приглашать выпить. Я не отказывался, нельзя ведь обижать людей, и я поднял руку. Все замолчали.

– Ребята, я очень уважаю вас и с удовольствием выпью с вами. Здесь недалеко есть паб, его держит мой друг Стив. Пойдемте туда, там и посидим. Половину расходов я беру на себя.

– Нормально, мы знаем паб Стива и его знаем. Хороший парень. Поехали, здесь рядом.

Кто-то хлопнул меня сзади по спине, я оглянулся. Рядом стояла девица, которая леди.

– Если тебе сегодня будет нужна девочка, то я приведу тебе королеву Лондона – сказала она.

– Спасибо, но сегодня не до этого, – отвязался я от нее.

Я зашел в расположенное рядом отделение банка и обменял чеки на деньги, потом присоединился к толпе. Мы все приехали в паб Стива и расселись. Мест не хватало, и Стив соорудил из досок дополнительные скамьи и столы, двое парней из толпы помогли ему. Ну, прямо, как в русской деревне! Праздник начался...

В условленное время я встретился с членами моей группы, и мы пошли на судно. По дороге я прикупил ящик отличного виски, часть сразу же раздал членам группы. Они несколько удивились моей щедрости. Но им я ничего не рассказал. На судно мы пришли вовремя, а на пятые сутки наше судно взяло курс на Аргентину.

Года через два я работал уже на другом судне. Зашли в Лондон. И вот вечером ко мне в каюту заходит первый помощник капитана, по судовому помполит или помпа, то есть комиссар. Экипаж не любил его, слишком уж он был придирчивым и по его рекомендации не одному моряку закрыли визу. Он не был профессиональным моряком, пришел на судно откуда-то с партийной работы. Таких на флоте очень не любили. Так вот, зайдя ко мне, положил на стол старую газету со статьей об описанных мной соревнованиях. С газетой, видимо, подсуетилось наше консульство. Как люди из консульства не послали эту газету в пароходство – ума не приложу.

– Ну, и что скажешь? – спросил он.

– Ничего, и отказываться не собираюсь. Только помни, что в море люди за борт падают и их не находят. Особенно помполиты. – пошутил я.

Он сделал испуганные глаза. Я давно заметил, что все подлецы трусы. К моему счастью он не донес на меня. Иначе бы на этом можно было ставить крест на моей морской карьере. У читателя возникнет вопрос – а что же за фразы я ска-

зал на соревнованиях по мату? Я не буду повторять их здесь. А сказал я обычные русские ругательства, немного приукрашенные мной. Я приукрасил здесь и слова ругательств, что говорили другие участники на соревнованиях.

Лапа якоря холла

Судно стояло у причала судоремонтного завода. Огромное, опутанное лесами, с лесенками и переходами. Судно ремонтировалось. Ремонт шел к концу и скоро эта громадина уйдет далеко в моря и океаны, в тропики и льды, повезет разные нужные людям грузы. На судне был практикант Сашка. Сашка учился на штурмана, был на втором курсе и с училища группу курсантов распределили по судам, стоящим в ремонте. Для ознакомления с живым парходом. Дней на десять. На судне Сашка был в первый раз. Как и большинство парней в его возрасте, живших в портовых городах, Сашка мечтал о далеких рейсах, чужих странах, штормах, удивительных встречах и событиях. Он гордился, что на судне он как бы соприкоснулся со всеми своими мечтами. И считал, что моряки-это элита людей, остальные это так себе, не то. Судно было рефрижератором большого тоннажа из серии «звезд». Судостроители обычно строят суда одинакового типа с похожими названиями. Есть «проливы», «города», «художники», «писатели». А это судно носило название «Синяя звезда», его собратья были «Яркая звезда», «Далекая звезда», «Зовущая звезда» и что-то еще в этом роде. На судне он попал в боцманскую команду. Боцман проинструктировал его и других практикантов, их, кроме Сашки, было еще трое. Они расписались в журнале, и боцман распределил их

по работам. Сашке досталось чистить цепной ящик от грязи и ржавчины. Цепной ящик – это небольшое помещение, где помещается цепь якоря, когда якорь выбран брашпилем, а натянутая цепь, закрепленная специальным приспособлением, удерживает его на весу у клюза. Когда на рейдах портов якорь бросают, он цепляется за дно залива или бухты и держит судно. Обычно у судна два якоря: левый и правый. А когда якорь выбирают, то он вместе с цепью тащит со дна всякую дрянь – ил, грязь, мусор, а его на дне бухт всегда много. Все это частично затягивается в цепной ящик, хотя во время выборки якоря якорная цепь моется сильной струей воды. Поэтому цепной ящик периодически чистят, дают высохнуть и красят. Покраска судна – это залог его здоровья. В условиях большой влажности металл судна ржавеет и разрушается. Во время чистки цепного ящика, якорь с цепью кладут на причале, у судна, с помощью портового крана. И сейчас якорь с цепью лежали на причале возле судна.

Сашка поднял лючину, спустился по трапу в цепной ящик. Помещение было грязным, в подтеках ржавчины, но уже сухим. Грязь и мусор убрали до Сашки. Спустился боцман.

– Вот, смотри, тебе нужно счистить с переборок всю ржавчину до металла, загрунтовать грунтом чистые места, а потом выкрасить весь ящик. Где краска держится, но уже немного отстает, ее нужно убрать. Паши, работы много, хватит тебе возиться с ящиком как раз все твои десять дней.

И боцман полез по трапу вверх. Сашка взял скребок и начал чистить одну из переборок. Поработав минут сорок, сел передохнуть. Курить он не курил, а просто сел и думал. А думать было о чем. Приближался день рождения его девушки. И в этот день они с друзьями собирались в лес, на горную речку, половить рыбу, сварить уху, выпить пива, повеселиться. И надо же, этот день вклинивался в дни Сашкиной практики. В училище он бы решил этот вопрос шутя. А как отпроситься на судне, он пока не знал. «Поговорю с ребятами, может кто что-нибудь присоветует» – подумал он. И принялся снова за работу. Работать Сашка любил, вырос он в простой семье, отец трудился токарем на заводе, была своя дача, труд в семье был обыденным делом. И Сашка никогда не отлынивал от работы, в отличии от младшей сестренки, не любившей дачу. Она предпочитала даче кухню. Пока Сашка работал, раза два навещался боцман. Смотрел на результаты Сашкиной работы. Остался доволен. Хлопнул Сашку по плечу.

– Толк из тебя будет.

Последний раз спускался перед обедом, уже на взводе, пахло от него свежей водкой, глаза были веселыми. Что сделаешь, боцманы они такие, им только дай выпить. Раздался судовой длинный звонок, затем из динамиков раздалось: «Судовое время двенадцать часов. Команде прекратить работы и обедать». Сашка положил скребок и тоже полез наверх по трапу. Над палубой светило яркое теплое солнце,

но было нежарко. Да и был только май. Горы вокруг города стояли уже принаряженные в молодую зелень, кое где по небу были разбросаны мазки облаков. Было хорошо, прямо дух захватывало. Сашка переоделся, помыл руки и прошел в столовую. Старпом предупредил раньше, чтобы в столовую в грязной рабочей одежде никто не приходил. Взял в раздачном окошке борщ. Борщ был что надо, с большими кусками мяса и Сашка съел его с удовольствием. Потом сидел и наслаждался сытостью.

– А второе чего не берешь? – спросил его сидевший рядом матрос лет тридцати.

– Что, еще и второе будет? Я не съем столько!

– Бери и ешь, до ужина далеко.

Сашка пошел к окошку и ему подали чашку с гречкой и большой котлетой. Что с ними делать?

Сашка снова сел. Котлету он с трудом съел, а вот гречку не осилил. Налил сам из ведра компоту и выпил. Потом пошел в каюту. Им дали каюту на четверых, в каюте сидел его напарник, тоже курсант, и еще двое курсантов. Завязался неспешный разговор. Сашка вспомнил о своей проблеме.

– Как мне отпроситься хотя бы на полдня? Кто знает? Через два дня день рождения у моей подруги, собирались за город съездить. Может кто что посоветует?

Никто ничего не знал. Потом Вовка сказал, что лучше всего поговорить с боцманом. Глядишь и отпустит. Только нужно не врать, а сказать правду. Скажешь правду – всегда полу-

чится. Сашка решил, что так и сделает. Посидели еще, поговорили. Снова раздался звонок и динамик голосом вахтенного штурмана проговорил: «Судовое время тринадцать часов. Команде приступить к судовым работам». Сашка переделся в рабочее и пошел к своему цепному ящику. Боцман был уже там. Так же навеселе.

– Молодец, не задерживаешься. Будет из тебя толк.

И боцман ушел по своим делам. Сашка же снова приступил к чистке цепного ящика. Работал долго, с напряжением, периодически отдыхая, когда уставал. Он и не заметил особенно, как пролетело время. Снова раздался длинный звонок и вахтенный штурман объявил: «Судовое время семнадцать часов. Закончит судовые работы. Команде ужинать». Сашка проделал тот же путь, что и в обед. В столовой снова было первое, второе и компот. Сашка всего не одолел, съел первого только часть, второго тоже. Потом переделся и пошел домой.

Домой он пришел в одно время с отцом. Батька у него был крепкий, не старый еще.

– Ну, как? Что делал сегодня?

Сашка рассказал.

– Работай на совесть. Потом будет легче. Пошли ужинать.

– Я уже поужинал на судне. Кормят, как на убой. Даже на ужин первое, второе и компот. Я все даже в обед не одолел.

– Знаю, проходил, – засмеялся батька.

Он тоже когда-то бороздил моря на судах.

Сашка посмотрел немного телевизор и пошел прогуляться к друзьям. Встретились на обычном месте, в сквере у магазина. Сели на скамейку, все не поместились, кое кто стоял. Принялись обсуждать события прошедших дней, немного хвастались, приукрашивая свои значения в этих событиях. Этот грех есть у всех в молодости. Сидели до десяти, потом начали расходиться. Сашка пошел провожать Любу. Довел до ее дома, они немного поцеловались и пообнимались в подъезде, потом Люба побежала к себе на третий этаж. Сашка пошел домой. Обычно, во время учебы, курсанты жили в экипаже, общежитии училища, но во время каникул и практики, те, кто был местным, жили дома. Придя домой, он увидел мать, сидящую на кухне. Вот же мама ему досталась! Никогда не ляжет, пока все не соберутся дома.

– И чего ждешь, мам? Спала бы. Батя уже спит?

– Спит. А я вот не могу спать. Где бродил?

– С друзьями встречался. Ладно, я пойду спать. Спокойной тебе ночи.

– Спокойной ночи.

Сашка умылся и пошел в свою комнату. Зажег свет, взял книгу и начал читать. Заглянула мать.

– Тебя во сколько будить?

– Сам встану, мама. Ты спи.

Почитав немного, он приготовился спать. Вставать нужно рано, в восемь нужно быть на суде.

Утром Сашка проснулся в половине седьмого. Батя уже

сидел на кухне умытый и выбритый, в спортивных брюках и майке.

– Доброе утро, пап!

– Доброе утро, Саша! Иди умывайся.

– Я еще зарядку сделаю.

– Ну, делай, – усмехнулся отец.

Сашка принялся делать упражнения из йоги, научился, когда ходил на занятия по йоге. После упражнений залез под холодный душ, потом вытерся. Пошел на кухню. Мать тоже уже была там.

– Ты как цветок, румяный и свежий, – сказала мать.

– Мама, йога и холодный душ всегда человека украсят, – ответил Сашка.

– Есть будешь? Вон сырники спекла, чай.

– Чай буду, есть не буду. На судне позавтракаю.

– Вот, дожилась, уже домашнее есть не хотят.

– Мама, не обижайся, еще рано и есть не хочется.

Попил чаю и стал собираться. Жили они недалеко от судоремонтного завода, где стояло судно. Отец работал в цехе на этом же заводе. Можно было проехать пару остановок на автобусе, но там утром будет такая давка, что не влезешь. Решили пройтись пешком. Вошли на территорию завода и у проходной расстались. Отец пошел в цех, а Сашка направился к причалу, где стояло судно. Дойдя до судна, по длинному трапу поднялся на борт, поздоровался с вахтенным матросом. Прошел в столовую. На столах стоял обычный судовой

завтрак: хлеб, масло, порезанный сыр. Сашка намазал масло на хлеб, положил сверху сыр, налил чаю, сел и позавтракал. Пошел в каюту и переоделся в рабочее. Подошел напарник. В восемь часов объявили начало судовых работ и Сашка пошел к своему цепному ящику.

Работали практиканты сегодня только до обеда. И все время, пока Сашка чистил и красил помещение, он думал только о том, как же отпроситься в нужный день и отпустят ли. Это прямо у него из головы не выходило, постоянно сидело в мыслях. Иногда ему надоедала эта мысль и тогда он, пытаясь от нее избавиться, переключался на что-либо другое, но эта мысль снова и снова возвращалась и беспокоила его. После обеда старпом с боцманом собрали всех практикантов и устроили занятия по знакомству с судном. А потом повели ребят по судну на экскурсию. Посетили трюма, коффердамы, узнали много нового и интересного. Побывали в машинном отделении, да, впечатляет. Огромный главный двигатель высился с двухэтажный дом, увитый трапами и переходами. Под конец повели практикантов в рулевую рубку. «Если машинное отделение сердце судна, то рулевая рубка мозг судна», – сказал старпом. Вокруг рубки, на крыльях мостика, сутились матросы, снимая ржавчину и крася металл. Из рубки открывался вид на длинный корпус судна, на закрытые лючинами трюма и на корму, если смотреть в иллюминаторы заднего обзора. Побывали затем в румпельном отделении, посмотрели на баллер руля, на рулевую машину. К

их группе подошел старший механик судна, пояснил, как работает рулевое устройство. Обход судна занял все послеобеденное время. Затем старпом предложил всем практикантам написать отчет об этом занятии. На этом разошлись, а вскоре раздался и голос вахтенного штурмана, возвещавший о конце рабочего дня. Все начали расходиться. Сашка тоже пошел домой.

И вот наступил день, когда должно все решиться. Или Сашку отпустят, или он никуда не поедет со своими друзьями, а главное со своей подругой. А там ведь Петька будет, он все время увивается возле Любы. При этой мысли Сашка внутренне взвинтился и решил отпрашиваться. Была не была. Утром, работая в помещении цепного ящика, он уже хотел идти к боцману. Но тот часов в десять заявился сам. Был он на сильном взводе, успели со старпомом уже с утра распить бутылку. Похвалил Сашкину работу, осмотрел все сделанное и собрался уже уходить. «Все, сейчас или никогда» – решил Сашка.

– Михайлыч, у меня к вам просьба, – начал Сашка изда- лека.

– Говори, смогу – выполню.

– Отпустите меня с работы после обеда, мне в соседний город нужно съездить.

Боцман сделал глубокомысленный вид. И тут ему пришла в голову мысль подшутить над Сашкой. Эта мысль сослужила потом очень плохую службу ему, судну, старпому, капи-

тану. Но водка искала в его голове чего-то веселого и нашла его.

– Пойдем. Есть одна срочная работа, сделаешь – и свободен.

Они вылезли из цепного ящика. Боцман зашел ко второму механику и попросил ножовку по металлу и хорошее полотно к ней. Второй механик дал ему нужное.

– Полотно немецкое, сам в Гамбурге брал. Лучше не бывает.

Боцман взял ножовку и полотно и вручил Сашке. Затем они спустились по трапу на причал. На причале лежала цепь, раскинутая серпантинном и отсоединенный от цепи якорь. Это был громадный якорь Холла, с двумя мощными и огромными лапами.

– Вот, – сказал боцман, – одну эту лапу у якоря нужно срочно отпилить. Пили вот здесь.

И боцман показал на самую толстую часть лапы у ее основания.

– Хорошо, сейчас буду пилить, – сказал Сашка.

Боцман ушел. А Сашка принялся пилить лапу. Провозившись с час, он понял, что лапу он не отпилит и за месяц. Она почти не поддавалась лезвию полотна и Сашкиным усилиям. Между тем из иллюминаторов судна там и здесь периодически показывались смеющиеся лица членов экипажа. Они потешались над Сашкой и шуткой боцмана, казавшейся им верхом юмора. Но...недаром говорят, что голь на вы-

думки хитра. Сашка увидел недалеко газосварщиков, резавших корпус старого катера. Он направился к ним. Сварщики приняли его приветливо.

– Нужно лапу у якоря отрезать.

– Лапу, у якоря? Кто такое тебе выдал?

– Боцман.

– Ну дает твой боцман! Ну, что ж, боцман он умный, он все знает. Пойдем глянем.

Подошли к якорю. Сварщики глянули на якорь, Сашка показал им лапу, которую нужно отделить от якоря.

– Знаешь, парень, тут дело пахнет не меньше, чем на две бутылки. Газ нужно тратить, мастер может нас засечь, скандал может быть. А если две бутылки, то мы бригадира в долю возьмем и все будет тихо.

У Сашки было немного денег, он прикинул, что на две бутылки хватит.

– Давайте я вам денег на две бутылки дам, а то я спешу. Если в магазин пойду, то опоздаю.

Сварщики помялись, но потом согласились. Сашка дал им денег на две бутылки водки. Они подтянули шланги к якорю. Зашипела газосварка и через минут пятнадцать лапа отвалилась от якоря. Сварщики собрались и ушли. Радостный Сашка побежал искать боцмана. Нашел он его на корме.

– Михалыч, все, готово!

– Что готово? – ухмыльнулся боцман, подмигивая матросам, которые были в курсе дела.

– Отрезал лапу у якоря.

– Как отрезал?

– Насовсем.

– Что ты несешь, пацан?

– Можете посмотреть.

Боцман с плохим предчувствием двинулся на бак, откуда якорь был хорошо виден. За ним пошла вся боцманская команда, ухмыляясь и пуская шуточки. Когда боцман глянул на якорь, то все понял. Громоподобный хохот матросов подействовал на боцмана, как удар молота.

– Пацан! – задыхался боцман – Убью!!! Скормлю рыбам на наживку. Да я тебя...

И он двинулся на Сашку своей плотной фигурой, сжимая пудовые кулаки.

– Михалыч, вы же сами сказали, чтобы отрезал. И пилку по металлу мне дали.

– Беги, пацан, а то он тебя прибьет. – кричали, хохоча, матросы.

Сашка рванул от боцмана, скатился по трапу на берег. И остановился, не зная, что делать и не понимая, что с боцманом.

– Мальчишка, сволочь, без ножа зарезал!!!

Боцман сел прямо на кнехт, что по морским традициям является очень дурным тоном. Схватился за голову, посидел, качаясь всем телом. Затем достал из внутреннего кармана недопитую бутылку с водкой, залпом всю водку выпил.

– Г-г-гад! Это ж надо придумать! Он лапу сваркой отхватил. Поймаю, придушу, как цыпленка.

Матросы начали наезжать на боцмана.

– Михалыч, ты сам виноват, это ты придумал. А малец сообразительный попался. Ты на него сердца не держи.

Подошел старпом.

– Что за митинг? Почему не работаете.

Боцман молча показал за борт. Старпом подошел к борту, глянул и у него отвисла челюсть.

– Что? Кто... кто это сделал? Да я всех вас в тюрьму пересажаю! Кто это умудрился? Заводские? А зачем? Да они что, с ума сошли?

– Владимир Степаныч, мой грех, это моя вина... – выдал из себя боцман.

И рассказал старпому про свою шутку.

– Михалыч, да ты знаешь, сколько этот якорь стоит? Нам с тобой за всю жизнь не расквитаться, даже если мы с тобой сгнием в морях. И что делать? Пошли к капитану.

Капитан сидел в кабинете своей каюты и перелистывал какие-то бумаги.

– Разрешите, Иваныч?

– Заходите. С чем пожаловали?

Старпом и боцман стояли и мялись у двери.

– Да вы проходите, садитесь на диван.

Прошли, сели. Молчат.

– Да вы что сегодня, в молчанку со мной пришли играть? –

начал сердиться капитан.

– Давай, рассказывай. – старпом ткнул боцмана в бок.

Боцман еще немного помялся и выдал.

– Иваныч, лапу у якоря отрезали...

– Что ты мелишь? Как отрезали? Да и кому это нужно было.

– Понимаете, решил я подшутить над практикантом. Он у меня отпрашивался, а я дал ему пилку по металлу и сказал, что вот как отпилишь лапу у якоря, так свободен. А он, гад, сварщиков заводских привел, те и отрезали газом лапу.

– Это пароход или сумасшедший дом? – вскочив, взревел капитан. – И схватился тоже за голову, как боцман на кнехте. – Да вы что? Нам же всем головы поснимают, а тебе, Михалыч, в первую очередь.

Все замолчали, думая, как же выбраться из положения.

– Зовите деда сюда.

Дедом на судах зовут старшего механика. Старпом позвонил на мостик.

– Пригласите стармеха к капитану.

Из судовых динамиков раздалось:

– Старшему механику просьба зайти в каюту капитана.

Минут через десять пришел старший механик.

– Рассказывайте, олухи царя морского. – приказал капитан.

Рассказали. Стармех схватился за живот и чуть не упал на палубу от смеха. Остальные с негодованием смотрели на

него. Кому горе, а кому смех!

– Яковлевич, хорош смеяться! Можно приварить лапу снова к якорю? – спросил капитан.

– Приварить то можно, но работать она не будет. Там же огромная нагрузка, она отломится потом. Она же литая, каленная. Это нужно подумать, что можно сделать.

– Яковлевич, подумай! Нам же голов не сносить, – сказал капитан. – Кстати, а что с мальчишкой, где он?

– Стоял у трапа, я его вгорячах пугнул, – сказал боцман.

– Иди и отправь его домой.

– Сейчас.

Сашка понуро стоял на причале у трапа.

– Иди домой, все на сегодня. – крикнул ему боцман. –
Завтра к восьми приходи.

– Хорошо. Спасибо, до свидания.

И Сашка, поднявшись на борт и переодевшись, убежал прямо на вокзал, где его ждали друзья, еще было не поздно.

В каюте у капитана продолжался поиск выхода из положения. Стармех, поразмыслив, предложил попробовать такой вариант. Он пойдет в литейный цех и узнает, смогут ли литейщики приварить лапу к якорю. Если смогут, то потом нужно будет поговорить с технологами, как место соединения закалить до нужной кондиции. На этом и порешили. Капитан достал бутылку и разлил старпому, стармеху и себе. Выпили.

– Аж сердце закололо. – сказал капитан.

– Ничего, Иваныч, разберемся. – Слово «разберемся» было любимым у стармеха.

Стармех пошел в литейный цех. Нашел начальника цеха, рассказал, что нужно приварить лапу якоря. У того глаза на лоб полезли.

– А что может случиться с якорем? Бывает, что судно давно отслужило свой срок, а якоря служат другому судну.

Стармех рассказал. Начальник цеха долго смеялся. Затем позвал технологов. Те сказали, что нужно глянуть. Пошли посмотреть якорь. На месте решили, что лапу приварить и закалить можно. На этом и порешили. Через час многотонный якорь и лапа были погружены на грузовик и отвезены в литейный цех.

На судне всегда есть и запасной якорь. Якоря суда теряют часто. Их много лежит на дне морей, бухт, заливов. Можно было подсоединить к цепи и запасной якорь. Но как объяснить исчезновение основного якоря? Во время ремонта? На заводе? На рейде не стояли, якоря не бросали. А в завод становились с четким описанием перечня судового имущества, в котором все якоря числились на месте.

На другой день Сашка явился на судно к восьми. Боцман покосился, но ничего не сказал. Сашка пошел в свой ящик. А после обеда уже почти на всех судах в портах, на судоремонтных заводах, у причалов и пирсов всевозможных мореходных компаний знали о происшествии. Дошло и до иностранных судов, разгружавшихся в порту. Потеха была великая.

Кое кто даже не верил, посчитав происшедшее за очередную байку пьяного матроса. Члены экипажа с «Синей звезды» стыдливо улыбались, когда их спрашивали о случае. Сашка же стал героем.

В кабинете капитана раздался телефонный звонок берегового телефона. Капитан подошел к телефону и поднял трубку.

– Слушаю.

– Здравствуй, Ростислав Иванович, Кравченко звонит.

Кравченко был начальником рефрижераторной судовой компании.

– Да, Семен Константинович, есть ко мне вопросы?

– Ты когда планируешь быть в управлении?

– Сегодня, часика через полтора.

– Ты зайди, пожалуйста, ко мне.

– Хорошо, зайду.

Капитан положил трубку. Он уже догадывался, что Кравченко звонил по поводу якорной лапы.

Придя в управление и сделав свои дела, он пошел в кабинет начальника. Секретарша в приемной попросила подождать. Доложила и пригласила капитана в кабинет к начальнику.

– Здравствуй еще раз, Иваныч!

Они пожали друг другу руки. Начальник жестом пригласил садиться.

– Что у тебя там с якорем?

– И ты уже знаешь? Ну и народ, по всему городу разнесли.

– Так это правда?

– Правда, Семен Константинович, правда! Пошутил себе на голову боцман. Спишу к черту. А жаль, хороший боцман, давно с ним работаю.

Кравченко вдруг начал тихо смеяться, потом громче, потом захохотал. Смеялся от души и долго. У капитана отлегло с души. Если человек смеется, то все должно обойтись. Начальник, насмеявшись вволю, вытер платочком глаза.

– Значит так, мальчика этого, практиканта, не трогать. Объявить ему благодарность за находчивость при выполнении служебного задания. Боцмана не списывай, вкати ему строгий выговор по судну. А я тебе вкачу обычный выговор... Понял? Старпому тоже вкати выговор по судну, его хозяйство.

– Понял. И на том спасибо.

– Якорь поставьте запасной, а на складе получите новый. Что там налепят в заводе неизвестно. С морем шутки шутить негоже, сам знаешь. Расходы все по якорю спишешь по ремонтной смете, найдешь выход. И за выговор не расстраивайся. Скоро конец ремонта, все выговора снимем. А малец этот молодец, я б и то не додумался до такого.

Капитан вышел от начальника в приподнятом настроении, все обошлось.

«Синяя звезда» закончила ремонт и ушла в Антарктику за китовым мясом. Но «хвост» с лапой якоря тянулся за ней

долго. Разнеслось это по всем морям и океаном. И нередко в радиопереговорах между «Синей звездой» и другими судами «Синюю звезду» подначивали.

– А, это вы, безлапые? Как там у вас якоря, целые? Может вам лапу подарить?

А Сашка учился в училище. Постигал мореходную науку.

Расстрельный развод

Дальневосточный траулер типа РТМС, немецкой постройки, рыл форштевнем воду, пугая рыбу. На баке стоял второй механик Владимир Семенович, для друзей просто Володя, иногда Вовка, по судовому просто Семеныч. С траулером резвилась и играла стайка дельфинов. Они то обгоняли форштевень судна, то стремительно плыли прямо перед форштевнем, как бы предлагая судну догнать их, то уходили в стороны, выпрыгивая из воды. Вдалеке мелькали плавники касаток. Но дельфины не сивучи, они касаток не боялись. Море жило своей жизнью. Семеныч смотрел на море, начинался закат. Солнце опускалось все ниже, уходя за видневшийся вдали хребет острова Формоза, то бишь Тайваня. Траулер шел из южных морей домой. Позади остался Индийский океан, Малакский пролив с его Сингапуром, в котором Семеныч купил себе огромный ковер синего цвета, давно мечтал, японский телевизор Sony с большим экраном, «недельки» – наборы женского белья для жены, и много других мелочей. Было тепло, как бывает вечером в субтропиках, тропики остались позади. Да и не страшна тропическая жара на траулере, все каюты оборудованы кондиционерами. Настроение у Семеныча было хорошее, дней через пять придет судно в родной порт, сейчас в Приморье осень, самое лучшее время года, можно будет в тайгу съездить, на-

братъ лимонника, шишек, порыбачить всласть. Любил Семеныч рыбалку на горных быстрых речках, где в изобилии водились ленок, форель, голец, иногда попадался и таймень. Лучшего отдыха и придумать нельзя. Да и по жене соскучился. Все у них вроде бы хорошо, Семеныч доверял ей, но вот только Бог деток на дал им, а ему уже за тридцать, да и ей, слава Богу, двадцать восемь. Семеныч еще раз взглянул на море и пошел в каюту. Зайдя в каюту, лег на диван, взял книгу, стал читать. Раздался стук в дверь.

– Входи, не закрыто, – крикнул Семеныч.

Зашел начальник радиостанции. Семеныч недолюбливал его, какой-то он скользкий, закрытый, себе на уме человек. Таких на флоте не очень уважают. Но их жены работали вместе, в книжном магазине, и были подругами, Семеныч тоже как бы дружил с Митричем.

– Привет, – сказал начальник радиостанции, звали его Александр Дмитриевич, а на судне просто Митрич.

– Привет, – ответил Семеныч.

Митрич сел в кресло у стола, Семеныч спустил ноги с дивана, положив книгу. Стал ждать, что скажет Митрич.

– Выпить есть? – спросил Митрич. Притом спросил таким голосом, что Семеныч почувствовал, что у того есть какая-то важная новость. Семеныч достал из холодильника початую бутылку смирновки. Достал стаканы и селедку, стоявшую тоже в холодильнике в тарелке, порезал хлеб. Налили, выпили, закусили. Налили и еще выпили.

– Какие новости? – спросил Семеныч.

Митрич замялся.

– Да вот, говорил по радиотелефону с женой, привет тебе передает.

– А как моя там?

Митрич вильнул глазами.

– Да все вроде хорошо.

Посидели, поговорили о судовых делах, о скором приходе домой. Когда бутылка подходила к концу, Семеныч больше пить не стал, скоро на вахту. Митрич опьянел и вдруг стукнул кулаком по столу.

– Вообще так, Вова, не буду молчать. Моя сказала, что Лариска твоя скурвилась, открыто гуляет с каким-то милиционером, тот даже ночует, бывает, у нее. Милиционер женатый, двое детей. Вот такие дела. Извини, но решил рассказать тебе все. Все равно, придет время, узнаешь.

Семенычу эти слова ударили в голову, по сердцу, хмеля как не бывало. Он сидел на диване, наклоня голову и осмысливая сказанное. Потом достал нераспечатанную бутылку смирновки, открыл ее и выпил прямо из горлышка полбутылки. Хмель все равно не брал. Вспоминались лучшие дни с женой, общие дела, общие радости и горести. Как она могла? Предательство всегда удивляет преданных. Вот был рядом вроде бы близкий человек, к нему тянулся душой, и вдруг этот человек в одно мгновение стал врагом. И осмыслить сразу это трудно, а понять невозможно. Семеныч был крепким

человеком, иногда вспыльчивым в мелочах, но в серьезных делах спокоен и рассудителен. Вот и сейчас он почувствовал, что потихоньку успокаивается. «Ладно, разберусь» – подумал он. Уже спокойно налил водку в стакан, выпил. И почувствовал на этот раз сильный удар хмеля в голову.

Вахта у Семеныча была с нуля до четырех утра. Придя на вахту и осмотрев машинное отделение и механизмы, Семеныч зашел в центральный пост управления машинным отделением, его на судне называют ЦПУ. Расписался в вахтенном журнале и отпустил отдыхать четвертого механика. На вахте Семеныч ходил по ЦПУ сам не в себе, это заметили мотористы. Шептались: «Что-то у второго случилось»

Семеныча машинная команда очень уважала, за верность данному слову, за непридирчивость, за большую справедливость. Никогда Семеныч не показывал своего превосходства над другими, со всеми был на равных, всем помогал, если кто-то чего-то не знал и никогда не наказывал за проступок, если он случался в первый раз. А всегда старался поговорить по душам с подчиненными, узнать, что да как. Но если его поведение кто-то считал слабостью и совершал проступок еще раз (первый раз простил, простит и во второй раз), то наказание было неотвратимым и жестким, вплоть до списания с судна. Знавшие Семныча давно, обычно встретив его на берегу, просились к нему в рейс. Поэтому люди, почувствовав, что Семнычу плохо, сочувствовали ему и всячески пытались отвлечь его от мрачных мыслей даже на вахте. Но

Семеныч плохо понимал, что ему говорили. В голове крутилась одна мысль: «Как она могла? Почему? Как это случилось?». Вспоминал их совместные походы в тайгу, ночевки в палатке, чтение книг по вечерам в дальних отрогах Сихотэ Алиня, рыбалку, уху.

Книги читать было можно и в тайге после того, как Семеныч смастерил освещение, которое легко умещалось даже в кармане куртки, но носил он его всегда в рюкзаке. Он купил велосипедную динамку в спортивном магазине, приделал к ней водяную турбинку и, выбрав для стоянки берег горного ручья, втыкал два металлических стержня в дно ручья, закреплял динамку на стержнях, опускал турбинку на недлинной оси, так, чтобы брызги не попадали на динамку, заставлял воду ручья крутить турбинку, а с нею и велосипедную динамку. Кабель от динамки пробрасывался в палатку и в палатке ярко светились две велосипедные лампочки. Можно было и читать, и вообще быть со светом. Жена чаще читала, Семеныч же любил сидеть у входа в палатку у костра до поздней ночи, иногда выпивая немного, иногда просто так глядя на огонь. В дальних морских рейсах скучал за берегом, за простым домашним уютом, но больше всего скучал за запахом дыма костра, шумом и плеском ручьев в тайге, говором деревьев над головой. Сейчас вспоминались эти совместные походы в тайгу с женой, ее жаркие и сладкие объятия, нежный шепот. И вот всего этого больше не будет, исчезло, предано, уничтожено. Нет тяжелее оскорбления для моряка, чем

предательство жены. Ведь знала же за кого замуж шла, никто не неволил. И сколько раз он ей говорил, что пора детишек заводить, она все от этого отбрыкивалась, значит была себе на уме. Но если бы у нее кто-то был на примете, то другое дело, а то ведь связалась с женатым человеком, в чужую семью влезла. «Ладно, разберусь» – снова подумал Семеныч. Часов около двух ночи в ЦПУ спустился «дед», так обычно называют на флоте старшего механика. Прошелся по ЦПУ, посмотрел на Семныча.

– Ты не заболел?

– Да есть немного, не страшно, – сказал Семныч, чтобы хоть чем-то оправдать свой не очень хороший вид.

– Если хочешь, иди отдыхай, я приму вахту у тебя, постою, все равно не спится.

– Да нет, не нужно.

В ЦПУ доносился чуть слышимый рокот главного двигателя, звенела его турбина. Море было спокойным и судно шло быстро, без покачиваний.

– Это ты пил с начальником радиостанции?

– Выпили немного.

– Сволочь он, уже раззвонил о твоей беде по всему судну.

– Вот скот, а не человек. И какое ему дело?

Раздался звонок телефона. Семеныч поднял трубку.

– Доброй ночи, Семеныч, капитан говорит. Как дела?

– Спасибо, Оскар Мартынович, все хорошо.

Капитан был из приморских литовцев, хороший, порядоч-

ный и честный человек.

– Ты деда не видел?

– Возле меня стоит.

– Дай ему трубку.

Семеныч передал трубку деду. Стармех слушал капитана, поддакивая и соглашаясь. Положил трубку.

– Сходи к командиру, тебя зовет, я побуду здесь.

– Там на втором дизель-генераторе течь масла небольшая.

Если что, запускать только в крайнем случае. Третьему по вахте передам, они устранят.

Семеныч пошел из ЦПУ наверх. Капитанская каюта была на самой верхней палубе. Семеныч постучал и зашел в кабинет. Капитан сидел за столом.

– Заходи, Семеныч. Садись.

Семеныч вошел и сел. Капитан что-то мялся, видно было, что ему неудобно начинать разговор, но все-таки он его начал.

– Слышал о том, что у тебя случилось. А начальника рации в следующем рейсе здесь не будет. По крайней мере я изо всех сил постараюсь это сделать.

Капитан был малоразговорчивым и сейчас он не стал много говорить. Молча поднялся, достал бутылку коньяка, налил себе немного, а Семенычу сказал: «Как хватит, так скажешь». Семеныч остановил его граммах на ста пятидесяти. Выпили. И снова Семеныч почувствовал, что хмель его почти не берет.

– Ты вот что, Семеныч. Решать, конечно, будешь сам, у каждого свои взгляды на такие вещи, но мой тебе совет – сделай по-мужски. Вырви из сердца и забудь. У моряков таких подруг быть не должно.

Налил еще, еще выпили. Сейчас хмель немного прижал Семеныча. «Все-таки хорошие вокруг люди, смотри сколько сочувствует. И никто не смеется и плохого не говорит. А начальнику радиостанции, долбанному «маркони», на берегу рожу начищу до блеска». Он встал, поблагодарил капитана и пошел в машину. Вахты оставалось час. Дед без слов махнул кругом рукой, поднял большой палец правой руки, показав, что все, мол, хорошо.

– Будешь с вахты идти – загляни.

– Спасибо, но пойду сразу спать.

– Буду рад, если будешь спать. Но если будет плохо, заходи.

– Еще раз спасибо.

Дед ушел. Семеныч достоял вахту, ушел спать. Долго ворочался, но потом заснул.

Через несколько дней судно, дав длинный гудок сифона, на траверзе мыса Разворотного начало заходить в залив. Вдали стояли порыжевшие на вершинах сопки, но пониже еще зеленые. Сентябрь в Приморье очень теплый месяц, больше похожий на летний. Судно вошло в залив, встав на внешнем рейде. Приехали власти, таможенники. Потом на катере приехал подменный экипаж, принял судно, основной эки-

паж сдал дела и приготовился к встрече с берегом. А еще через полтора часа судно пошло к одному из пирсов родной Базы. На пирсе толпился народ, встречая близких и друзей, стояли ребята из военно-морского оркестра, налаживая свои инструменты. Подали концы, береговые матросы набросили их на причальные кнехты, судно брашпилем, подруливающими устройствами подтянулось к причалу, встало. Спустили парадный трап. Как только нижняя часть трапа коснулась пирса, оркестр грянул «Прощание славянки». Это традиция, моряков, военных и гражданских, всегда встречают и провожают этим маршем. Встречающие что-то кричали, махали руками, букетами цветов, многие женщины утирали слезы. Мужей ведь не было дома почти полгода, наскучались, натерпелись одни, решая все семейные проблемы: отправляли детей в школы и садики, готовили им, обстирывали, воспитывали. Нелегкая это работа! Да еще многие и работали. Ларисы на причале не было. «Знает кошка, чье мясо съела», – подумал Семеныч и вдруг увидел ее. Она стояла на пирсе, ближе к трапу, махала букетом его любимых георгин и ярко улыбалась. В белых брюках, в белой кофточке, с тонким станом и высокой грудью она выглядела эффектно. Многие мужчины из встречающих поглядывали на нее. Встречающие начали подниматься по трапу на судно. Поднялась и Лариса вместе с другом Семеныча, тралмастером Романом. На палубе встретила мужа, сияя большими голубыми глазами. Обняла за шею, поцеловала, вручила букет. По

ответному холодку сразу поняла, что что-то не так, сникла, опустив голову. Семеныч обнялся с другом, пожали крепко друг другу руки. Втроем пошли в каюту Семеныча. Когда закрылась дверь каюты, Семеныч прямо при Романе, глядя жене в глаза, спросил:

– Это правда?

– Что, Володя? Что правда?

И вдруг побледнела, поняв, что он все знает.

– Твой милиционер и твоя измена, вот что.

Она села на диван и заплакала. Потом поняла, что нужно говорить правду.

– Да, правда. Как первый раз случилось, сама не поняла, а потом завязалось...

– Ну так вот тебе за верность и ожидания.

Семеныч букетом георгин хлестнул ее по лицу, выругался крепко, как умеют ругаться только моряки. Бросил георгины на палубу каюты. Замахнулся, чтобы ударить ее. Роман перехватил руку.

– Володя, не нужно. Это уже ничего не изменит. Пойдем домой. Если не хочешь домой, пошли ко мне. Леночка с радостью примет нас, приготовит что-либо вкусное. Очень рада будет видеть тебя.

– Я женщина, как ты смел ударить меня? – сверкнула глазами Лариса, выпрямившись.

– Женщину я бы никогда не ударил. А ты не женщина, ты шлюха. А шлюху не только можно бить, но и нужно.

Пошли из каюты к трапу. Лариса плелась сзади, похожая на побитую собаку. Семеныч домой не пошел. Вещи, купленные в Сингапуре, попросил разрешения оставить у Романа. Тот согласился без проблем. Взяли такси и поехали к Роману. Ларису в такси не посадили.

– К Лене сестра ее младшая приехала, красавица. Сам посмотришь.

– А ты давно с морей?

– Три недели уже. Пока не собираюсь, побуду на берегу.

– Вот и хорошо. В тайгу вместе ходим.

Приехали. Вошли в подъезд и пошли к квартире Романа. С Леной, его женой, Семеныч был знаком давно. Еще лет восемь назад работали они в Перу, экипажи меняли в перуанском порту Кальяо. Домой летали на самолете, через Москву. В Москве Рома и познакомился с Леной, у них все связалось быстро и крепко. Родился сын, Рома назвал его Вовой, в честь друга. Лена не возражала, так же звали ее отца. А с Романом Семеныч дружил уже лет двенадцать. Они были ближе друг другу, чем братья.

– Володь, ты не настаивай на том, чтобы Лена пила спиртное. Мы ждем второго ребеночка, очень ждем его.

– Хорошо. А я вам с Леной по-хорошему завидую. Молодцы, слов не нахожу. А я...

И он махнул рукой.

– Все образуется, Вова. Все будет замечательно.

– Дай то Бог.

Подошли к двери квартиры, Роман нажал кнопку звонка. Открыла Лена.

– Господи, кого я вижу! И как это ты решил сразу к нам, не домой?

– Причина есть, – хмуро улыбнулся Семеныч.

Они с Романом занесли баулы с вещами Семеныча и уложили их в кладовку в коридоре. Семеныч сел на диван в зале, а Рома пошел на кухню к Лене. Через минут десять появилась в зале Лена.

– Вова, ты не принимай это близко к сердцу. Значит она не твоя судьба. Настоящая женщина так никогда не поступит, так что не жалеяй.

– Спасибо за участие, Лена.

Роман пришел, принес запотевшую бутылку водки.

– Выпьем? За приход?

– Можно немного.

Налили по рюмке, или как говорили на флоте – по стопарю, выпили. Зашла Лена с подносом. За ней бежал четырехлетний Вовочка.

– Что это вы без закуски? Рома, ты что, не мог принести чего-либо? В холодильнике все есть.

– Мы по первой, за приход, по-флотски, без закуски.

Лена покачала головой. Затем начала носить еду.

– Что ж это я, – спохватился Семеныч.

Пошел в кладовку, достал одну из сумок. Принес в зал. Начал вытаскивать сингапурские покупки.

– Это Вовочке, – он вытащил блок жевательной резинки, затем достал детский джинсовый костюм, потом взрослый джинсовый костюм, это тебе, у меня там еще два есть, обычный и белый. А это жене отдашь, мне уже это ни к чему, – и Семеныч отдал Мише пять упаковок «неделек», женского белья.

– Нужно будет пару отдать Надюше, – сказал Роман.

– Это ваше дело с Леной. Мы с тобой носить это не будем.

Роман засмеялся. Сели за стол, Лена наготовила столько, что глаза разбегались от количества блюд. Про любимые пирожки Семеныча с картошкой и печенкой тоже не забыла.

– А где Надя? – спросил Роман.

– В спальне сидит, читает.

– Ну, так дело не пойдет. Зови.

– Уже звала, стесняется.

– Вот уж тургеневская девушка, – засмеялся Роман и ушел.

Через пару минут появился с Надей, девушка была похожа на Лену. «Красивая», – отметил Семеныч про себя. Наде было лет двадцать четыре – двадцать пять.

– Знакомьтесь. Это Надя. А о Володе я тебе, Надя, не раз рассказывал.

Познакомились. Началось застолье. Лариса пить отказалась категорически. Надя выпила только за приход, этот тост Миша произнес еще раз, потом только немного отпивала вино. В разговор почти не вступала, встречаясь взглядом с

Семенычем, краснела и опускала глаза. «Надо же, бывают еще на свете такие девушки, краснеет, давно не встречал таких», – подумал Семеныч. Сидели долго, потом Лена и Надя ушли. Друзья сидели долго, вспоминая моря, знакомых и коллег, которые сейчас далеко в морях, различные случаи из морской жизни. Моряки всегда говорят в море о семьях, женщинах, а на берегу о морях, судах. Время текло незаметно. Наступил вечер, за окнами стемнело.

– Ты располагайся на диване, здесь и будешь у нас спать, – сказал Роман.

– Спасибо, пойду домой.

– Смотри, Вова. Только не делай никаких глупостей. Не трогай ее.

Семеныч промолчал.

– Лена шепнула, что Наде ты очень понравился.

– Не до этого мне сейчас, Рома, дай отойти.

Вышла Лена, уже в халате. Семеныч попрощался с друзьями. Надя не выходила.

– Наде скажите мое «до свидания».

– Скажем. Я ее звала попрощаться, но она опять стесняется.

– Что ж сделаешь.

Семеныч поцеловал в щеку Лену, пожал руку Роману и вышел. Жил он недалеко и решил пройти пешком. Дойдя до квартиры, заходить передумал. Пошел в межрейсовый дом отдыха, там он долго жил в раньшее, будучи нежена-

тым. На дежурстве была Марья Ивановна. Он коротко рассказал ей причину своего появления. Марья Ивановна быстро оформила ему номер в гостинице.

– И не опускай руки и голову! Ясно? Пошла бы она на хутор бабочек ловить. Такого мужика потеряла. А ты себе найдешь еще, такие, как ты на дороге не валяются. Хочешь найду?

– Марья Ивановна, о чем ты? Мне нужно успокоиться от всего этого, а ты мне сразу невесту найти предлагаешь, – засмеялся Семеныч.

Он взял ключ от номера и пошел на второй этаж. Взглянул на часы. Было половина одиннадцатого. Разделся, сходил в душ и лег спать.

На другой день Семеныч обежал все нужные кабинеты в управлении компании, подавал все отчеты, получил справку об отсутствии задолженности, отвез ее в бухгалтерию. То есть сделал все, зависящее от него, для выдачи зарплаты экипажу. Зашел в механико-судовую службу. Василий Матвеевич, начальник механико-судовой службы, по-флотски МСС, приветливо поздоровался с ним. Семеныч положил ему на стол справку об отсутствии задолженности и собрался уходить.

– Погоди, сядь.

Семеныч сел.

– Молодец, прямо на следующий день по приходу со всем управился.

Он помолчал, потом, глядя в глаза, сказал:

– Знаю о твоем горе. То, что это горе, я уверен, испытал это на себе. Было и у меня такое. Держись, все образуется.

Пожилой Василий Матвеевич протянул Семенычу руку и крепко пожал ее.

– И еще. Готовься сдавать аттестацию на старшего механика. На тебя уже четыре рекомендации у меня. А у меня правило: направлять на повышение только после третьей рекомендации. Двое могут и ошибиться. Я тебя хотел направить на повышение еще до последнего твоего рейса, да закрутился и забыл, а ты как-то быстро ушел в моря. Тут приходил ваш дед сегодня, рассказал о твоем методе устранения замасленности парового котла. Ты его оформи как рацпредложение, я разошлю по МСС других компаний, пусть люди знают.

– Это не моя придумка. Я был еще четвертым механиком, так меня научил один старый кочегар.

– Вот и впиши этого кочегара соавтором.

– Да я уже даже его фамилии не помню. Если он жив, то старый уже. Хорошо, спрашиваю народ, найду следы.

Попрощался и вышел. Чем заняться, куда идти? Не привык без дела. Если бы было все хорошо, то сейчас бы жену в отпуск отпросил бы и рванули бы с ней в тайгу. Одному не хочется, у Романа с Леной свои заботы. В душу начала заползать снова обида и тоска. Попробовал прижать эти чувства, но они змеей сидели в сердце. Позвонил Роману. Ска-

зал, что живет в гостинице, домой пока не пошел.

– Может пообедаем где-либо, Ром? Поехали в ресторан «Береговой», там трепанга готовят изумительно.

– Мне Лена голову открутит. Обедать давай к нам. Тут чего только нет. А трепангов я и сам приготовлю. Только не сегодня. Кстати, Надя о тебе раза четыре спрашивала. Спросит, покраснеет, уйдет в другую комнату, потом выходит и опять спрашивает, и опять краснеет. Что-то тут неспроста. Лена рассказала ей про тебя, так у нее прямо слезы на глазах. Она такой человек, даже трудности других людей близко принимает к сердцу. Ты уж прости ее. И не говори ни ей, ни Лене, что я тебе сказал.

– Хорошо, Рома, спасибо ей. Огромное спасибо.

– Так ты приедешь?

– Через час буду.

Семеныч взял такси, поехал в ресторан «Береговой». Не отпуская такси, зашел в ресторан, взял четыре порции скоблянки из трепанга, ему упаковали еду с собой, и он поехал к Роману. Дверь после звонка открыла Надя, Романа с Леной не было, они ушли в магазин.

– Здравствуйте. Проходите. Меня Роман предупредил, что вы приедете.

Надя немного засмушалась, щеки ее порозовели, она была чудо как хороша. Вот только сейчас после рейса в Семеныче проснулась жажда женщины. Горячая, мощная волна охватила его, он чуть не схватил Надю в объятия. Вовремя

опомнился и, стиснув зубы, прошел мимо Нади. Женщины всегда чувствуют лучше, чем мужчины, у них очень высокая интуиция. И Надя почувствовала состояние Семеныча. Она была несколько поражена этим и испугана.

– Здесь трепанги, я взял в ресторане. На всех.

Он подал Наде пакет. Она взяла пакет и ушла на кухню. Ее не было долго, она боялась вспыхнувшего чувства Семеныча. Возилась на кухне. Потом вышла с тарелкой, полной пирожков.

– Это с картошкой и с печенью, Лена сказала, что вы любите такие. Я сама пекла, перед самым вашим приходом закончила. Совсем свежие. Угощайтесь.

Семеныч попробовал пирожок. Вкус был замечателен, даже лучше, чем готовила Лариса.

– Пирожки прелесть. Беру на заметку. Буду приходить к вам на пирожки. Теперь не отвяжитесь от меня.

– Всегда пожалуйста. Люблю готовить.

Все в ней было хорошо. И стать, и лицо. Ее полные ножки, выглядывающие из-под халата, сильно волновали мужское чувство Семеныча. Но он крепко держал себя в руках. Раздался звонок в дверь, пришли с пакетами Лена с Романом. С ними был и маленький Вова. Он тоже нес пакет.

– Как вы тут? Все в порядке? – спросила Лена.

– Владимир пришел недавно. Вот пирожками своими я его уже угостила. – ответила Надя, – понравились, говорит, – засмеялась она.

– Все, садимся к столу. Мы есть хотим, спасу нет. Вовочка, Рома, быстро мыть руки.

– Прямо без твоего руководства мы не знаем, что нужно мыть руки, – сказал Роман.

Лена погладила его по затылку и плечам.

– Откуда вы это можете знать? Мужики несчастные! Что бы вы делали без женщин?

Все засмеялись. Вскоре уселись за стол. Трепанги были выложены в большую общую фарфоровую чашку. Роман потирал руки, любил он трепангов.

– По рюмке выпьете? – спросила Лена?

Роман взглянул на Семеныча, ты как мол?

– Особого желанья нет, но...короче давай понемногу.

Выпили, начали есть. Семеныч по-хорошему завидовал Роману, был благодарен за уют, которым просто и спокойно окружила его эта семья. Не хуже, чем дома. При воспоминании о доме снова защемило нехорошим в груди. Мысли мгновенно отвлеклись к Ларисе, к их совместной жизни. Стало нехорошо на душе. Роман заметил состояние друга. Молча взял бутылку, налил водки в стакан.

– Выпей, будет легче.

Семеныч не стал ломаться, выпил залпом, по-флотски. Роман налил еще. Выпил и это. Хмель сгладил неприятное состояние. Возник разговор, почти ничего не значащий. За этим разговором и прошел обед. После обеда Семеныч пошел не в гостиницу, а домой. И сразу его охватила тоска,

упало настроение, мир показался серым и неуютным. Но домой было идти нужно. Нужно было решить все с Ларисой, определиться с квартирой. То, что он не будет жить с Ларисой, у него не было никаких сомнений. Вспомнились слова отца, сказанные как-то ему: «Женщина, предавшая и прощенная, обязательно предаст еще раз». Что ж, значит такого его, Семеныча, судьба, быть рогоносцем. Этого он не простит ей. Он почувствовал, как внутри него закипает злость на Ларису, вздымается желание сделать ей плохо, отомстить. С таким чувством он и пришел домой. Жил Семеныч в трехэтажном деревянном доме, на пригорке, на первом этаже, в окружении больших новых домов. Дом скоро должны были снести и тогда он получит квартиру в такой же новой многоэтажке, которые строились вокруг. Открыл ключом квартиру, зашел. Все знакомо и в то же время, после случившегося, чужое. Он представил, как здесь вечерами сидел с Ларисой чужой мужчина, они пили вино, затем ложились в его кровать. Стало еще омерзительней. Семеныч сел на диван и задумался. Затем подошел к шифоньеру, открыл его и первое, что он увидел, была милицейская фуражка, лежавшая на верхней полке. «Вот дает, забыла спрятать»? «А, – догадался он, – это после разговора на судне и моего отсутствия дома она специально положила ее на виду». Достал фуражку и положил ее на стол посреди комнаты. Открыл маленькие дверцы шифоньера, где обычно хранилось белье. На полке, ничем не прикрытая, лежала распечатанная пачка презерва-

тивов. Ярость охватила Семеныча. Если бы Лариса была рядом, он бы ее разорвал. Достал из холодильника водку, налил в большой фужер и выпил. Через десять минут он, поразмышляв, знал, что нужно было делать. И стал готовиться к своим действиям. Достал ружье, подаренную отцом Ларисы двустволку. Ружье было старое, еще 50-х годов, но отличное. Стреляли из него мало, стволы не были разношены. Они были сантиметров на пятнадцать длинней, чем у современных ружей и дальность стрельбы была отменной. Переломил ружье, посмотрел стволы. Они были чистыми и смазанными. Достал шомпол, вату, протер до блеска стволы, еще раз осмотрел их. Раковин в стволах не было. Достал несколько патронов, выковырял из них картечины. Взял свинцовую проволоку, нарубил небольшими кусками, засыпал в патроны. Это была резанка, издававшая при полете дикий звук, нею обычно стреляли для развлечения или когда нужно было кого-то поугаить. Забил пыжи. Ружье поставил в угол за телевизор, патроны положил в карманы брюк. Выпил еще, достал надувной матрас и расстелив его на полу, лег. Задремал. Лариса явилась домой часов в девять. Глянула на лежащего на полу Семеныча и уверенной походкой, с полупренебрежительной улыбкой на лице, прошла в квартиру. Увидев на столе милицейскую фуражку, как-то сникла, но потом снова быстро собралась. Ушла в другую комнату, переоделась в халат и пошла в ванную. Оттуда долго слышался шум душа. Вышла посвежевшая, как всегда красивая, с той же улыбкой.

– Что ты разлегся на полу? Мог бы лечь на диван или на кровать.

– На диван и кровать я ложиться не могу. Там воняет чужим мужиком.

– Там пахнет настоящим мужчиной.

– Что? А я что, не мужчина?

– Был бы ты мужчиной, так я бы не глядела на других.

– Ах ты сука, так я для тебя не мужчина? Да за эти слова я тебе, знаешь, что сделаю?

– Господи, делальщик нашелся! Да ты трус, ты не способен на что-либо серьезное.

Семеныч в ярости вскочил. Выхватил из-за телевизора двустволку и дрожащими руками начал заряжать в нее патроны. У Ларисы медленно полезли глаза на лоб.

– Ты...ты...ты что? Ты что задумал?

– А вот сейчас покажу тебе, на что я способен.

Семеныч дослал патроны в ружье и защелкнул замок. Осталось взвести курки и можно было стрелять.

– Я..я..ты..ты..

– Что? Боишься подыхать?

Семеныч повел стволами в сторону Ларисы. Лариса взвизгнула и как была в халате и тапочках, бросилась к двери.

– Врешь, не уйдешь, пуля быстрее летает, чем ты бегаешь. И Семеныч погнался за ней.

– Айя-яй-яй! Помогите! – взывала Лариса на площадке.

Оба выскочили на улицу. Сразу за подъездом дома начинался большой пустырь, заставленный новостройками, а после него, в метрах пятистах, начинался жилой квартал. Лариса мчалась по пустырю как ветер, оглядываясь и быстро-быстро двигая лопатками.

– Целься в голову, в голову! – раздался пьяный голос соседа из открытого окна второго этажа, шутника и балагура, работавшего на судах матросом и уважавшего Семеныча.

Семеныч взвел курок на левом стволе, взял направление метра на полтора в сторону, поднял повыше от бегущей Ларисы стволы и выстрелил. Резанка со страшным, душераздирающим воем разрезала воздух. Раздался дикий визг Ларисы. В жизни Семеныч не видел, чтобы так высоко подпрыгивал человек. Лариса подпрыгнула метра на два, не меньше. Оглянулась в прыжке, и вереща, с развевающимися длинными волосами, была в этот момент очень похожа на ведьму, как их рисуют художники. Видимо кто-то из этих художников тоже гонял с ружьем жену. Куда и красота делась.

– В голову бей, в голову, – еще раз раздался пьяный крик соседа и его разбойничий свист.

Семеныч выстрелил второй раз, подальше отведя от Ларисы стволы. Снова взвыла резанка. Лариса, как гимнастка на матах, с разбегу припала к земле, снова вскочила и помчалась еще быстрее. Донесся звук громко испускаемых ею испражнений.

– Га-га-га! Не нравится? Бей ее картечью! – орал сосед, –

Ишь, об...сь! Улю-лю-лю! Га-га-га-га! Фюить!!!

Со скоростью ветра Лариса скрылась за углом строящейся десятиэтажки. Семеныч пошел домой. Вытащил из ружья патроны, положил все на стол, разобрал и почистил ружье. Тоже положил на стол. Взял милицейскую фуражку, повертел ее в руках и снова положил. Стал ждать милицию, но вместо милиции пришел сосед сверху, который кричал из окна. Поставил бутылку на стол, из кармана вытащил кусок копченной колбасы.

– Если хочешь есть, тащи из холодильника что-нибудь.

– Я домой только сегодня пришел и не знаю, есть ли что там.

Семеныч заглянул в холодильник, достал нарезанную нерку в масле и с луком, открыл банку сайры, поставил на стол. Налили, выпили.

– Здорово ты придумал, – сказал сосед, – резанкой ведь стрелял?

– Резанкой.

– Если она пожалуется своему менту, а я его хорошо знаю, я заложу его жене. Я уже позвонил ему и предупредил его.

– Спасибо. Разберусь...

Милиция так и не пришла. Ни в этот вечер, ни в последующие три дня, которые Семеныч сидел дома, никуда не выходя. Несколько раз звонил телефон, но Семеныч не брал трубку. Прошло две недели, никто никуда не вызывал Семеныча, не было и милиции. Семеныч собрал все вещи Лари-

сы, запаковал их в сумки, туда же положил все ее документы и бумаги, подумав, положил и початую пачку презервативов, а также взял милицейскую фуражку и тоже положил в одну из сумок.. Все это отнес подруге Ларисы. Больше Семеныч в своей жизни никогда не встречал Ларису. Месяца через полтора после этих событий пригласили его в паспортный стол, чтобы он поставил подпись: Лариса прислала заявление о желании выписаться из квартиры, откуда-то из Алма Аты. Семеныч поставил подпись.

Как-то позвонил Роман и пригласил зайти. Семеныч пошел. Позвонил и услышал звук частых шагов. Понял – Надя. Она и открыла дверь.

– А я вам звонила несколько раз, но никто трубку не брал. Так и ела пирожки сама. Заходите.

Семеныч зашел. Сел на диван.

– Знаете, сейчас почему-то мое любимое блюдо это пирожки с картошкой и печенкой. Прямо объедаюсь. Даже полнеть начала.

– Вам идет небольшая полнота.

Из кухни вышла Лена, за ними Вовочка и Роман. С Романом обнялись, Леночку Семеныч поцеловал в щеку, Вовочке, как взрослому, пожал руку, потом подкинул его и посадил себе на плечо.

– Дядя Вова, здорово! А выше можете?

Пришлось посадить его на голову. Из кухни появилась Надя с тарелкой пирожков.

– Ничего себе, – сказал Роман, – меня и то так не встречают.

– Ты свой, а это гость, ему лучшее, – отбилась Надя.

Сели обедать. За обедом Роман заговорил о деле, по которому он звал Семеныча.

– Володя, мы с Леной и Вовой собрались съездить в Хабаровск. Поезд сегодня вечером. А у Нади завтра самолет на Москву. Не сможешь ли ты отвезти ее в аэропорт?

– Отвезу, какие проблемы. Я казак свободный сейчас, никто и ничего не держит меня.

Он повернулся к Наде.

– Во сколько самолет?

– В четырнадцать десять.

– В десять утра выедем, чтобы с запасом.

– Хорошо, я буду готова.

– И чтобы пирожки были, будем их в машине есть.

– И пирожки будут.

Лена засмеялась.

– У тебя, Володя, на первом месте пирожки. Посмотри, какая женщина поедет с тобой! Она тебе не только пирожков напечет, она для тебя все сделает. Бедненькая, иссохлась вся!

Сказав это, Лена порскнула из-за стола: покрасневшая Надя схватилась за половник и замахнулась на сестру. Семеныч встал, пошел к своим вещам, достал купленный в Сингапуре ковер.

– Надя, идите сюда.

Подошла не только Надя, подошли все.

– Это вам за пирожки. И не вздумайте отказываться. Отказов не принимаю.

Роман что-то шепнул Наде, потом Лене.

– Хорошо, подарок принимаю. Люблю читать, лежа на полу. Теперь буду читать на ковре и вас вспоминать.

– Итак, до завтра. Ром, вызови такси, отвезу домой вещи. А то мешают вам здесь.

Роман пошел вызывать такси. Лена обняла Надю и что-то тихонько говорила ей на ухо. Надя, соглашаясь, кивала головой. Семеныч с Мишей вытащили вещи, погрузили их в такси и Семеныч уехал.

На другой день Семеныч в десять подъехал к дому, где жил Роман, на своей машине, погрузил вещи Нади, забрал ее и они поехали в аэропорт. До аэропорта было около двух часов езды. В аэропорту Семеныч помог Наде во всем: перенес вещи, зарегистрировал ее билет. На ее «я сама» только отмахивался рукой. Объявили посадку. Встали в очередь на посадку. Вот и место пропуска на контроле.

– Давайте я вас поцелую на прощанье? За вашу душу хорошую, за пирожки?

– Стесняюсь, людей много...

– А кто что знает? Может быть мы муж и жена?

Надя приподнялась на цыпочки и поцеловала Семеныча в щеку, затем обняла его за шею и мягко и нежно поцеловала

в губы. На Семеныча это подействовало как удар молнии. Даже ноги ватными стали.

– Надя, здорово! Я этого никогда не забуду. Пишите, адрес вам вот, – вытащил Семеныч заранее приготовленный адрес.

– Не нужно, он у меня давно записан, и телефон тоже, – покраснела та.

Надя прошла контроль и уже с той стороны помахала рукой. Семеныч подождал, пока взлетел самолет и только потом поехал домой. Всю дорогу из головы не выходила Надя и ее поцелуй. Хорошая девушка, вот только лет на двенадцать младше. Ну и что? Мама тоже была на пятнадцать лет младше отца, а вон семерых родила и всех вырастили, спасибо им великое.

Через неделю он получил письмо от Нади. Она писала, что долетела хорошо, что родители не нарадуются на ковер и передают Семенычу привет и спасибо...

Незаметно прошли месяцы, прошел Новый год. Дела закрутили Семеныча: он сдал аттестацию на старшего механика, получил назначение на судно. Судно уходило через месяц работать в Новую Зеландию. Семеныч несколько раз звонил Наде в Москву. Сказал ей, что через месяц уйдет в моря.

– Я приеду провожать.

– Для вас дороговато это будет. Если согласитесь взять у меня денег, то приезжайте.

– Мне Лена даст.

- Лена семейный человек и у них свои расходы.
- Тогда соглашусь взять у вас. Потом соберу и отдам.
- Думаю, что потом отдавать не нужно будет.
- Почему это?
- Приедете и все узнаете.

В тихий вечер, какие бывают в Приморье в конце января, с легким снегопадом, без ветра, Семеныч закончил приемку судна, собрал рапорта у механиков и сидел в своем кабинете, решая, идти ли ему домой или остаться ночевать на судне. Через несколько дней судно уходило. Наде он деньги на дорожку послал, но ее пока не было. Раздался звонок телефона.

– Слушаю, старший механик.

Звонил вахтенный матрос с трапа.

– Здесь вас какая-то девушка спрашивает.

«Уж не Лариса ли заявила?» – подумал Семеныч.

– А как ее зовут?

– Говорит, Надежда.

– Сейчас буду.

Трап был рядом с каютой. На палубе стояла Надя, с небольшой спортивной сумкой. Увидев Семеныча, сумку выронила и беспомощно оперлась спиной на леера. Семеныч подбежал к ней, и, не стесняясь вахтенного, обнял и поцеловал. Повел в каюту.

Семеныч позвонил из Данидина, города в Новой Зеландии, Наде в Москву. У Нади была ночь. Он сразу почувствовал, что Надя что-то недоговаривает.

– Говори, что у тебя. Я чувствую, что ты что-то утаиваешь.

– Володенька, я... я беременна...

– Что? Как? Урррра-а-а! Это же прекрасно, это лучшее, что может быть!

– Ты и вправду рад? Я тоже... Только... ведь мы... неженаты.

– Тебе что, бумажка нужна? Или я нужен? Ты моя жена, а на все эти загсы и свидетельства я плевал.

Из трубки слышалось счастливое всхлипывание.

– Да, да, Володенька! Я очень счастлива. Будь за все спокоен, я твоя жена и никогда не сделаю тебе ничего плохого. А первую хочу девочку. Целую тебя, жду тебя.

– Девочка и будет, я ведь старался на девочку. Встречать прилетай, ключи от квартиры возьмешь у Ромы.

– Обязательно. Жду!

Семеныч повесил трубку.

Пожилая пара новозеландцев стояла в сторонке и ждала, когда освободится телефон. Увидев сияющее лицо Семеныча, заулыбались оба.

– Are your Russian?

– Yes.

Русских рыбаков здесь хорошо знали, советские суда много лет работали совместно с рыболовными компаниями Новой Зеландии.

– What happened? Why you so loudly shouted “hurray”?

– I have called to home and talld to my wife. She's pregnant. I'll dad first time in my life!

– Wow! Congratulation! I believe first will girl. I know exactly, – засмеялась старушка.

– Bless God, bless God, – улыбался опрятный старичок и жал Семенычу руку.

Через четыре года у Семеныча и Нади было трое детей: Верочка, в честь мамы Семеныча, Ромочка, в честь друга, и маленькая Наденька, в честь ее мамы. Надя оказалась прекрасной женой и прекрасным человеком. Умная, покладистая, честная, всегда была готова помочь добрым словом и делом. Терпеть не могла лжи и фальши. Семеныч был счастлив.

Гимочка

Галима была совсем молоденькой, ей не было еще девятнадцати лет. Она была красавицей, с удивительным лицом, выразительными светлыми глазами, каких много у альметьевских татар, полными ножками, высокой грудью, тонкой талией и крутыми бедрами. Галима была татарочкой и мусульманкой. Она недавно закончила школу и сейчас училась на втором курсе института, готовилась стать детским воспитателем. Для такой удивительной девушки лучшей профессией и не придумать. Молодые парни и взрослые мужчины старались ухаживать за ней, но она была как-то равнодушна к их ухаживаниям. Бывало, что кто-то добивался небольшого успеха, провожал Галиму домой, у подъезда один даже сумел поцеловать ее, на что она отреагировала резко и больше не подпускала к себе такого нахала, как она думала. Она была ну прямо не современной девушкой, все женское в ней спало. Ее подруги, ровесницы, постарше и помоложе, всю крутили романы, бегали по вечеринкам, имели иногда по два парня, были и такие, что давно познали мужчин и находили в этих отношениях большое удовольствие.

– Ты что, Галима, так и молодость твоя пройдет, так ты ничего и не познаешь. А там дальше муж, дети, не до этого будет.

Галима только отмахивалась от них и молча улыбалась.

Жизнь шла потихоньку, помаленьку. Никаких определенных представлений и планов об отношениях с мужчинами у нее не было. Про любовь она думала так: придет время и Бог даст любовь, а любить нужно один раз и навсегда. А иначе что это за любовь? Так учила ее мама. Мама была строгой и религиозной, свято соблюдала все мусульманские наставления. Она даже заставляла ходить Галиму с покрытой платочком головой, что Галима не всегда делала. Папа был другим человеком. Он при случае мог и выпить с друзьями, посидеть, поговорить, выпив, становился добрым, разговорчивым, общительным. Трезвый же он больше молчал, на мамины какие-то попреки только улыбался, но семья держалась на нем, и мама это признавала, она, как истинная мусульманка, всегда считала, что мужчина в семье главный. Слово папы был закон, но он никогда не рубил с плеча, он всегда советовался с мамой и даже с Галимой. Все знающие его считали, что это умный и деловой мужчина. На дочь он смотрел иногда чуть ли не с тоской: растишь, мол, растишь ее, вон в какую красавицу превратилась, а придет время и нужно будет ее отдать чужому парню. Любил папа Галиму. Был у Галимы еще старший брат, Марс, крепыш и силач, любивший честность и справедливость. Хорошая семья у Галимы! Так и жила Галима, ровно училась, ходила иногда в кино, на танцы, ничего особенного не ожидая. Но все это кончилось в одно мгновение. Как звездный взрыв. Случилось с Галимой такое, что закружило ее, завертело, она стала не собой, как бы забыла,

кто она. Так бывает только тогда, когда приходит большая и настоящая любовь. Это чувство захватывает человека, и он живет не для себя, а для того, кто пришел в его жизнь, а через такое чувство живет и для всех людей. Так оно и должно быть.

Был в институте преподаватель. Тридцатилетний Иван Петрович, обычный с виду человек, но большой умница, читавший лекции по истории. Спокойный, внимательно смотрящий в мир жизни, любивший свою работу, книги, дальние лесные прогулки, частенько сидевший вечерами на балконе своей небольшой квартиры и размышлявший о звездах, галактиках, Вселенной. Знакомые его ничего о нем не могли сказать плохого, близкие же друзья, знавшие его хорошо, говорили прямо, что это удивительный человек. Таких сейчас мало. И старались изо всех сил поддерживать с ним дружбу, льнули к нему. Возле него не держались люди, которые смотрели на жизнь только с точки зрения выгоды. Да и какая выгода от человека, живущего на скромную зарплату? Немалая часть этой зарплаты уходила на книги. Женщины к нему были равнодушны, но он все никак не делал свой выбор.

– Счастлива будет та, которая станет его женой, – как-то сказала пожилая Фарида Иметовна, декан факультета.

Галима на одной из лекций Ивана Петровича, не совсем поняла материал, который он преподносил своим студентам. Улучив удобный момент, она задала вопрос. Иван Петрович немного задумался, а затем попросил Галиму остаться после

лекции минут на десять – пятнадцать, чтобы он объяснил ей непонятную часть материала. Лекция окончилась, студенты потянулись из аудитории на выход. Галима встала и пошла к кафедре. Иван Петрович взял ее за локоть и повел к одному из ближайших столов. Когда Иван Петрович коснулся руки Галимы, она почувствовала как бы удар какой-то силы, но это была не физическая сила, это шло откуда то из сердца, из души. Она даже покачнулась немного. Стало легко и хорошо, мир раскрылся каким-то неведомым удивительным светом. Она не видела Ивана Петровича глазами, она чувствовала его всем телом, всей душой. Она с удивлением отмечала про себя, что у нее такое впечатление, будто знает она его очень давно, знает близко, знает не так, как знают люди друг друга, а совсем по-другому, а как – она не могла объяснить. И сразу почувствовала, что с этим человеком она пройдет всю жизнь. Иван Петрович усадил девушку за стол, сел напротив, взглянул на нее. И Галима заметила, как у него изменилось лицо и мелкий пот выступил на лбу. Он достал носовой платок, отер пот, и его глаза буквально вошли в глаза Галимы, растворились в них. И глаза Галимы приняли глаза Ивана Петровича и положили их в свое сердце. Все, для обоих вокруг ничего не существовало. Они сидели, забыв о материале, они просто беседовали друг с другом душами. Они вспоминали то, чего у них не было, они предвидели то, что у них будет. Так бывает у чистых людей. И так случилось у юной девушки Галимы и молодого мужчины Ивана Петро-

вича. Галима взяла его руки и положила в его ладони свое лицо, ей стало еще лучше. Иван Петрович с волнением держал в своих руках необычайную драгоценность.

– Не бойся меня, – сказал он, – я никогда-никогда не обижу тебя.

– Я совсем не боюсь тебя, я вообще ничего не боюсь возле тебя.

Просидели они так очень долго и им не хотелось прерывать это необычное общение. Наконец Иван Петрович встал, погладил щеки Галимы, и они пошли из аудитории.

– Ты домой?

– Да.

– Я провожу тебя.

Обычные слова, но они родили в девушке радугу чувств, она почувствовала огромную доброту и хотела бы поделиться этой добротой с ним. Она ничего не сказала, но он почувствовал все и принял из ее сердца эту доброту и дал в ответ ей свой душевный свет. Они тихо шли по освещенной улице, был декабрь, падал снежок, было тихо и не холодно, как бывает в такую погоду. Галима жила недалеко от института, не пользовалась никаким транспортом. Район был обычный, построенный еще в советское время, жили здесь в основном рабочие и мелкие предприниматели. Еще издали Галима увидела на балконе маму. Она стояла и наблюдала, как Галима шла рядом с каким-то мужчиной. Шли молча, ни о чем не говоря. Зачем слова, когда можно с человеком бесе-

довать сердцем? В другое время Галима испугалась бы мамы, та была строгой и дочь держала в строгости. Сейчас ей было совсем не страшно, он не боялась мамы, хотя и чувствовала, что разговор будет с ней серьезный. Подойдя к подъезду, Иван Петрович и девушка встали, стояли опять молча, наслаждаясь прекрасным чувством, охватившим обоих, Галима сама вложила свою руку в руку Ивана Петровича и радостно чувствовала, как тепло его тела текло в ее руку, а потом охватывало ее всю. Чистое тепло, приятное, хорошее и радостное. Такого у них у обоих никогда не было. Потом Галима забрала свою руку и, попрощавшись глазами, без слов, пошла домой.

У порога ее ждала мама.

– Кто это с тобой был? Ты давно его знаешь? Вы шли и стояли так, как будто знаете друг друга давно и у вас давно сложившиеся отношения.

Галима молча сняла пальто, повесила его, оставшись в тонком длинном свитере и брюках. Прошла на кухню. Села. Мама снова повторила свой вопрос.

– Мама, это наш преподаватель истории, Иван Петрович. Знаю я его с начала учебы в институте, а так, как сегодня, узнала его впервые.

– Как ты его узнала?

– Мама, ты не поймешь. Я и сама пока не понимаю. Когда осмыслю все умом, то все расскажу. Я же от тебя никогда ничего не скрывала.

– Сколько ему лет?

– Точно не знаю. Кажется, около тридцати.

– Так он же русский, наверное, неверующий, но уж не мусульманин, это точно.

Галима не понимала, какое значение это может иметь. Это было для нее из области совершенно непонятного и непостижимого. Причем здесь нация, вера? Ведь она чувствовала и чувствует человека, а не его национальность и веру. Она непонимающе смотрела на мать.

– Я думаю, что тебе нужно прекратить всякое общение с ним. И даже требую этого.

Прекратить? Это зачем и как? Этого не может быть, не может случиться.

– Я не буду прекращать с ним отношения. И если ты веруешь в Аллаха, то ты должна понять меня. Я его не сама придумала для себя. Я его видела в институте все время, когда появилась там, но не обращала на него внимания, так же, как и он на меня. Нас свел Аллах, которому ты молишься, только сегодня. Без него такого не бывает.

– Как свел? Ты что, у него и дома сегодня была, и что у вас было?

– Я не была у него дома. Но если захочет Аллах, то у нас будет все.

Мама открыла рот.

– Да как ты смеешь мне говорить такое?

– Ты сама меня воспитала в честности. Я не умею врать

и не хочу.

– Но, чтобы неверный был с моей дочерью?! Не бывать этому!

– Мама, Аллах един, так учил нас Пророк. А разные религии – разные пути к единому Аллаху. Нет разного Бога для всех: татар, башкир, немцев, русских. Все мы его дети.

– Я обо всем расскажу отцу.

– Я ничего и ни от кого не собираюсь скрывать. Вы с папой так меня учили. Я считаю, что правильно учили.

На этом они и закончили свой разговор.

Немного погодя пришел домой Марс. Мать тут же пожаловалась ему и рассказала о своем разговоре с Галимой.

– Мама, – сказал Марс, – не делай из мухи слона. Ты не права в своих словах о вере и национальности. Это глупость. Я поговорю с Галимой и, если нужно будет, поговорю с этим парнем. Превратить Галиму в случайную утеху я никому не дам, а если у них серьезно, то я поддержу их, а не тебя.

– О, Аллах, вырастила их, все отдала им, а они на меня плюют и мое мнение для них ничего не значит. И зачем я дожила до такого?

– Мама, успокойся. Мы любили всегда тебя и сейчас любим, но стали взрослыми и позволь нам самим решать наши взрослые проблемы. Иначе мы на всю жизнь останемся детьми.

Мать в слезах ушла в свою комнату. Марс пошел к Галиме.

– Ну, рассказывай, что там у тебя, а то мама совсем испереживалась.

Галима помолчала. Потом сказала Марсу, что сама пока ничего не знает и пусть все дадут ей время разобраться. Как только разберется, все сама разложит по полочкам и все расскажет им, близким.

– И много времени тебе нужно?

– Я не знаю. Я пока ничего не знаю.

– Хорошо. Помни, что я тебе ничего плохого не желаю. И если у тебя серьезно, то я на твоей стороне. А эти высказывания о том, что он русский, что не мусульманин, я не принимаю. Это все чепуха на постном масле. Русские с татарами живут вместе и рядом так долго, что давно стали не просто родичами, а почти одним народом. Есть идиоты, которые хотят нас поссорить, да только не удастся это им.

– Спасибо, Марс. Ты у меня настоящий друг.

– И брат тоже.

– И брат, – засмеялась Галима.

Марс ушел к себе и сел за компьютер.

И началась у Галимы совсем другая жизнь. Все заполнено было им, Иваном Петровичем, Ванечкой, как она звала его про себя. Каждый ее поступок, каждая ее мысль была связана с ним, и она все время соотносила: а как он посмотрел бы на то, что я подумала, сделала? Иван Петрович вошел в ее жизнь мощно, охватил все ее стороны, она как то даже не представляла, что его раньше в ее жизни не было. Уди-

вительно, она даже во сне чувствовала его. Иван Петрович чувствовал примерно то же самое. Правда, он был старше и был мужчиной. А у мужчин все проходит грубее, такими их создала природа. Встречаясь с Галимой в институте, он сразу же уводил ее куда-нибудь в укромное место, где не было никого. Они не обнимались, не целовались, они просто сидели и чувствовали друг друга, как бы сканируя мысли и чувства друг друга, они так умели. Они познавали так друг друга и это познание приносило им огромное удовольствие, больше, чем объятия и поцелуи. Они вживались друг в друга, понимали друг друга без всяких слов. На лекциях Ивана Петровича Галима сидела тихо, слушала и почти ничего не понимала, что он говорит. У него иногда от ее присутствия происходили сбои в том, что он говорил. Окружающие заметили их отношения. Кое кто из женщин-преподавателей косо смотрел на них, кое кто ехидно и пошло улыбался, но были и такие, кто радовался за них. Как-то декан Фариды Иметовны пригласила Ивана Петровича к себе в кабинет. Налила чаю, поставила блюдце с татарскими сладостями, призадумалась.

– Что у вас с Галимой, Иван Петрович?

Иван Петрович не нашелся сразу, что ответить. Посидел молча, потом заговорил.

– Ничего и все.

Фарида Иметовна удивленно вздернула брови.

– Я вас не понимаю.

– Поправлюсь. У нас с ней все. Так мне кажется.

– Трудно с вами говорить, вы объясняетесь загадками.

– Никаких загадок. Дайте время нам до конца все понять и разобраться.

– Вы должны понимать, что она совсем ребенок, ей нет даже девятнадцати.

Иван Петрович не понимал, как и Галима, причем здесь возраст или еще что-либо другое.

– Люди в институте уже говорят о вас, иногда не совсем хорошее. Но я в нехорошее не верю. Галиму я не знаю, а вас знаю давно и не верю, что вы способны на плохое.

– Спасибо. Я всегда верил в вашу доброту.

– Кстати, что там с вашей работой по истории тюркских народов? Я давала ваши отрывки для ознакомления Накипову, он в восторге. Говорит, что такие вещи тянут на докторскую и еще сказал, что с удовольствием будет вашим протеже, если вы захотите. Он поражен вашими новыми и необычными взглядами на вопросы, которые вы освещаете в своей работе.

– Как только мы с Галимой во всем разберемся, я закончу эту работу в кратчайшие сроки. И с удовольствием буду иметь референтом Накипова. Кто же от этого откажется?

– Господи, нигде без женщины, видимо, не обойдется. Ему докторская в руки плывет, но... нужно все закончит сперва с Галимой. Желаю вам с ней счастья, думаю, что вы к нему придете. А на насмешников не обращайтесь внимания. Только помните, что она еще очень молода.

– Я никогда не обижу ее, это не в моем характере обижать людей, да я и не смогу сделать ей плохо.

– Верю и еще раз желаю вам всего наилучшего.

Иван Петрович кивнул головой и пошел к выходу.

Вскоре после этого у Галимы состоялся разговор с отцом. Папа был всегда для Галимы отдушиной, он всегда, как никто, понимал ее.

– Что у тебя случилась, милая? Расскажи, что можно. Мама тут такого наговорила, она в панике, она даже в ужасе.

– Папа, вы все можете подождать? Я сама пока ничего не знаю толком. Но то, что случилось важное для меня, то это правда. Если все это будет и дальше так, то я без этого человека жить не смогу.

– Ого! Сильно сказано! Но...хорошо, доченька, в душу к тебе я лезть не буду. Я знаю тебя, знаю, что глупостей ты не должна наделать. А тебя не пугает, что он намного старше тебя?

– Нет, не пугает. Так послано нам свыше, значит так должно быть.

– Хорошо. Я попробую успокоить маму.

– У нее глупости в голове, да и на языке. Она примешала ко всему то, что он русский, что не мусульманин. Марс тоже считает, что это глупости.

Больше отец не затрагивал эту тему. И все шло своим ходом. Прошло месяца полтора, и кое-что стало и изменяться. Иван Петрович начал сближаться с Галимой физически.

Сказывалась его мужская сущность, да и Галима чувствовала, что без физического сближения не обойдется. И ждала этого с некоторой пугливостью, но и с радостью тоже. Как-то Иван Петрович, провожая Галиму, прижал ее к себе. У нее сразу подкосились ноги, и она куда-то уплыла. Она очнулась только тогда, когда поняла, что впилась ему губами в шею и он хочет мягко освободиться от ее поцелуя. Она оторвалась от его шеи и, обняв за шею, крепко поцеловала его в губы. Здесь ватными ноги стали уже у Ивана Петровича. Они не заметили, как были расстегнуты пальто. Как они прижались телами друг другу. И это приносило им неизведанные ранее наслаждения. Из губ Галимы вырывалось частое дыхание. Потом Иван Петрович застегнул ей пальто, застегнулся сам. Это был их первый поцелуй, первые объятия. Долго молчали, медленно идя к дому, где жила Галима. У нее между бровей прорезалась резкая складка, так у нее всегда бывало, когда она хотела что то сказать серьезное.

– Галима, я думаю, что нам не нужны никакие объяснения. Мы любим друг друга, я даже не знал, что так бывает.

– Да... Мы любим друг друга.

Она подняла на него свои глаза, полные слез.

– А слезы зачем?

– От счастья. Женщины и от счастья плачут.

– Спасибо. Мне тоже хочется заплакать, но мне стыдно, я ведь мужчина.

– Ваня, – она впервые его так назвала, – я хотела тебя по-

просить об одной вещи.

– Я все сделаю для тебя. Проси.

– Если сложится так, что ты меня захочешь, как женщину, то не делай этого, пока я не буду готова. Ты должен понимать меня. А устоять перед твоим желанием я не устою. Мне и самой этого иногда хочется. Но мы живем в мире людей, в мире условностей и нам нужно подчиняться этим условностям. Я люблю родителей, брата, никогда не вру им, да и не умею, и я не хочу приносить им неприятные минуты. Вот это моя просьба.

– Хорошо, милая. Можешь быть спокойна. Я ничего тебе не сделаю, пока и сам не буду готов к этому. Как все-таки сильно разделено духовное и физическое в человеке.

Галима снова обняла Ивана Петрович, положила ему на грудь голову, чувство нежности и огромной благодарности охватило ее.

– Спасибо. Пусть так и будет.

Прошло еще месяца полтора. В природе начались проявления весны. Стало теплее днем, с крыш потекли капли, тротуары стали мокрыми днем, а вечером скользкими. Воробьи стали такими оживленными, что их чириканье слышалось с утра и до вечера. Иногда шел снежок, но был он уже не таким зимним, как в январе. А еще через месяц уже припекало, просохли тропинки в парках, стало легко и радостно в природе. Все это время Галима и Иван Петрович виделись каждый день, все свободное время проводя вместе. Все об-

разовывалось так, что им нужно было строить жизнь вдвоем, друг без друга они уже не мыслили будущего. Галима ждала серьезного шага от Ивана Петровича, и он понимал это. И на плане условностей близились изменения. Через три дня наступало 8-е Марта, праздник, который празднуют все женщины бывшего СССР, и в этот день исполнялось 19 лет Галиме. Как-то Иван Петрович договорился с Галимой встретиться в парке. Был теплый день, небо лишь слегка было покрыто облаками. Иван Петрович стоял и ждал, Галима должна была появиться из-за поворота аллеи. И она вышла именно оттуда. Но то ли лучи света сыграли шутку над влюбленными, то ли так показалось Ивану Петровичу, но он увидел Галиму с... ребенком на руках. Это было потрясающе, это было настоящее чудо! Галима подошла ближе, и ребенок исчез. Она улыбалась своей яркой улыбкой, в глазах ее отражалась бирюза неба. Она была Богиней. И Иван Петрович понял, что ему Галиму с ребенком показали высшие силы. Он сделал несколько шагов навстречу и обнял ее.

– Знаешь, милая, я больше не могу без тебя. Тебе нужно стать моей женой.

Галима снова почувствовала слабость в ногах, как тогда, когда он обнял ее первый раз. Она села на скамейку, которая стояла рядом.

– Я рада, что ты так решил. Не просто рада, а чувствую что-то более высокое. Буду готовить тебе кушать, любить тебя, стирать... Боже, какое же это счастье!

Помолчали.

– А детей сколько у нас будет? – Галима спросила, покраснев.

– Трое, это минимум, а лучше четверо.

– Я хочу четверых. Две девочки и два мальчика.

– Пусть так и будет. А как с институтом? Скоро ты закончишь второй курс. Останется три.

– Не бойся, я все совмещу. Я сильная. Да и ты рядом будешь, а значит, я стану еще сильнее. Ну... – она засмеялась, – помогать будешь. Пеленки будешь стирать, гладить будешь, к детям ночью вставать будешь.

– Обязательно, в этом ты не сомневайся. Начинай готовить своих к нашему событию.

– Хорошо.

Из-за поворота вдруг показался Марс. Улыбаясь, подошел к ним. Сел рядом с Галимой.

– Иван Петрович, давно хотел с вами поговорить. Галима моя сестра и я очень люблю и уважаю ее. Поэтому я очень хотел бы знать, что у вас за отношения. А они длятся у вас уже несколько месяцев. Пожалуйста, объясните, как вы видите все в будущем.

– Марс, у вас не должно быть повода для беспокойства. Так уж получилось, что, находясь рядом, мы не замечали друг друга до определенного момента. А когда заметили, то поняли, что мы созданы друг для друга. И сейчас, за полчаса до вашего появления здесь, мы договорились, что станем

мужем и женой.

– Ого! Поздравляю вас обоих. Я очень рад за вас. Аллах услышал мои молитвы и послал вам счастье. Я много раз просил его об этом.

– Спасибо, Марс. Спасибо огромное.

– Пойдем в кафе, я угощаю, – сказал Марс, – по этому случаю и выпить можно. И давай, зятек, будем на ты.

– Не возражаю, – сказал Иван Петрович, пожимая руку Марсу.

Все засмеялись и встав, направились вглубь парка, там было неплохое кафе...

Мама Галимы приняла известие о решении дочери в штыки. Убеждали маму и папа, и Марс, но она стояла на своем – он неверный, он не мусульманин, я видеть и знать его не хочу. Марс только качал головой, отец же Галимы пытался убедить ее принять этот брак.

– Ты пойми, это наша доченька. Она всегда была не такая, как все девочки. Если мы сломаем ей этот брак, то она потом не простит нам. Оглянись вокруг, сколько смешанных семей живет среди нас. И среди них немало наших друзей. Посмотри, у них прекрасные дети. Нет, я не дам ломать судьбу и счастье моей Галимы. Я знаю ее лучше, чем ты. И ничего твое решение не изменит, а дочь ты можешь потерять. И посмотри, какой он парень! Им восхищаются такие ученые, как Накипов, Салманов, Лобов. Молода? А ты во сколько выскочила за меня? Тебе только-только семнадцать испол-

нилось, мы, татары, люди восточные, наши женщины взрослеют рано.

Было много споров, упреков, но мать Галимы не сдавалась. Отец как-то в присутствии Марса заговорил с Галимой об этом.

– Доченька, я не знаю впервые в жизни, что делать с твоей мамой. Она не хочет твоего счастья.

– Совсем рехнулась на религии, – сказал Марс. – Она посещает кружок, в котором читают лекции об исключительности Ислама, учат ненависти к «неверным», это очень большая глупость. Я тут месяца три назад спустил с лестницы какого-то бородача, она его привела. Он меня агитировал в боевики, сперва в Чечню, а потом, мол, и здесь пригодишься.

– Ого! Вот даже до чего она дошла. А что ж ты раньше молчал?

– Не придавал этому особого значения, – сказал Марс, – а оно видишь, нашей семьи уже коснулось. Идиоты, которые хотят нас поссорить с русскими, не понимают, что такое разделение пройдет ножом по семьям, дружбе и отразится на всех сторонах нашей жизни. Я далек от высокопарных слов о братстве с русскими, но за века совместного проживания мы действительно стали с русскими чуть ли не одним народом. Ну, воевали, ну дрались, чего не бывает между соседями? Знаешь, доченька, я еще попробую поговорить с мамой. Если она будет продолжать настаивать на своем, то я советую тебе уйти к Ивану Петровичу. Я к тебе на свадьбу приду.

– Я тоже, – сказал Марс, – и буду во всем помогать.

– Вот, так и решим, – сказал папа.

Через неделю после этого разговора Галима собрала свои вещи, их было немного, и увезла их в институт. Там все объяснила Ивану Петровичу. Тот сбегал к Фариде Иметовне, сказал, что им с Галимой нужно срочно оформит брак, чтобы не было никаких пересудов. Декан куда-то звонила, что-то объясняя по-русски и по-татарски. Затем встала, поцеловала в голову Ивана Петровича и попросила позвать Галиму. Он сбегал, и они зашли в кабинет вдвоем.

– Береги его, Галима. Прочила я его для своей дочери, но ты забрала его. Сейчас поедem, и вы распишетесь в ЗАГСе. Нужен еще свидетель. Я тоже буду свидетельницей.

Еще одним свидетелем взяли Вагифа, парня с курса Галимы. Через полтора часа Галима и Иван Петрович стали мужем и женой, согласно записи в книге регистрации брака. Это было в четверг, а в субботу молодожены пригласили на свадьбу всех друзей и знакомых. Мама Галимы на свадьбу приглашение не приняла. И не пришла. Это очень огорчило Галиму.

Галима поселилась в двухкомнатной квартире Ивана Петровича. Она была здесь в первый раз. Обстановка ей понравилась, небогато, но со вкусом, интерьер, конечно, не очень, сразу видно отсутствие женской руки. «Ничего, все сделаю по-своему, будет как в раю» – подумала она. Иван Петрович отдал ей спальню, потому что она просила его чуточку по-

дождать с близостью. «Ну не готова я, нужно чуточку времени» – твердила она, бросая испуганные взгляды на мужа. Иван Петрович не возражал. Нужно так нужно. Сам спал две ночи в зале, на диване.

Свадьба состоялась в небольшом кафе, с которым договорился Иван Петрович. Он сразу поставил условие администрации: других посетителей, кроме приглашенных на свадьбу, не должно быть. Администрация сразу же взвинтила цену, но Иван Петрович, поторговавшись и несколько снизив сумму, заплатил. Свадьба удалась. Гости пели, плясали, особенно молодежь, поздравления и подарки сыпались на молодоженов, это было приятно. И только папа Галимы иногда ловил грустный взгляд дочери, она хотела бы, чтобы и мама порадовалась ее счастью. А вот мама и папа Ивана Петровича, приехавшие из Москвы, нарадоваться и наглядеться не могли, глядя на сноху. Они сидели рядом с Марсом и папой Галимы, о чем-то оживленно беседовали с ними и не скрывали свой огромной радости по поводу женитьбы сына. Они думали, что он уже никогда не женится. Чтобы не мешать молодым, родителей Ивана Петровича забрала к себе домой семья Салимы, сестры папы Галимы. Разошлись поздно. Галима и Иван Петрович к спиртному не прикасались.

После свадьбы молодоженов привезли домой, и они пошли в двухкомнатную квартиру Ивана Петровича на втором этаже. Дома Галима взглянула на мужа своими большими, немного раскосыми татарскими глазами, и прильнула к

нему.

– Я боюсь, – тихо сказала она.

– Чего ты боишься?

– Ну...этого...я ведь в первый раз...

– Не бойся, милая, все будет хорошо. А твой первый раз для меня самый большой твой подарок. И огромное спасибо тебе за него.

Первая совместная ночь принесла им огромное наслаждение, они сливались душами, как могли это делать только они. Галима обнимала любимого, она его полностью забирала сердцем, отдавая ему свое прекрасное тело. Прекрасное чувство близости, не только физической, но и душевной, сердечной, охватывало их снова и снова, потом осталось навсегда. Губы Галимы сами шептали нежные слова, она их не придумывала, они сами лились из сердца. В ответ Иван Петрович прижимал ее к себе, гладил и целовал ее голое тело и тоже отвечал нежными словами. Потом уставшая, расслабленная и умиротворенная Галима притихла и заплакала.

– Ты почему плачешь?

– От счастья... И еще от того, что потеряла что такое, что уже не возвратится...Но зато приобрела тебя. Теперь мы навсегда одно целое.

– Да, одно целое. И навсегда, милая, – повторил Иван Петрович.

Галима засунула свою головку к мужу под левую подмышку, прижалась к нему всем телом и мгновенно заснула, креп-

ко, как ребенок. Иван Петрович же не мог заснуть. Он берег сон любимой, иногда гладил и целовал ее, сонную. Заснул только под утро.

Еще сквозь сон он почувствовал, что в его квартире все по-другому. Еще не совсем проснувшись, он услышал, что кто-то возится на кухне, вкусные запахи чего-то свежеспеченного. Еще не все осознав со сна, он почувствовал на щеке прикосновение губ любимой женщины. «Галима, она же здесь, навсегда» – промелькнуло у него в сознании, и он открыл глаза.

– Доброе утро, засоня.

Она снова поцеловала его.

– Доброе утро. Ты давно уже встала?

– Я не люблю долго спать. Вставай, под душ и на кухню.

Тебя там уже ждут сюрпризы.

– Есть, ваше величество, – пошутил он.

Вскочил, немного размялся, быстро побрился, сбегал под холодный душ и появился на кухне. На столе стоял чайник со свежим чаем, всякие румяные и еще теплые выпечки, каких он давно не видел, разве когда-то у мамы в детстве. Он от удивления распахнул глаза. Когда это она успела все приготовить? Ведь еще только половина девятого.

– Ты во сколько встала, моя хорошая?

– Не знаю, – лукаво ответила Галима, – но я не люблю долго спать. Ешь.

Они принялись за еду. Галима больше смотрела на мужа,

как он ест, чем ела сама. Он переставил стул к ней, сел рядом, взял оладий, обмакнул в мед и, держа над блюдечком, поднес ей ко рту.

– Ешь. А то не будешь есть, похудеешь, будешь как палочка тонкая и болеть будешь.

Галима весело рассмеялась и откусила оладий. Потом таким же образом съела их несколько штук. Потом они пили чай, зеленый, ароматный. Иван Петрович привык к нему в Татарстане и предпочитал всем другим напиткам. А Галима родилась здесь, это был ее национальный напиток. Кофе оба не пили. Было воскресенье. Решили собрать самых близких. Галима посмотрела на Ивана Петровича.

– Нам дали вчера полную свободу. Тетя Салима прекрасный человек, у них замечательная семья, но с сегодняшнего дня твои папа и мама должны гостить у нас. Иначе я буду чувствовать себя нехорошо перед ними. Ты иди обзванивай гостей, а я пошла на кухню, буду готовить. Зови всех к часу дня.

Иван Петрович пошел обзванивать тех, кого решили пригласить. Позвонил домой Галиме, трубку взял Марс. Сказал, что обязательно будут с отцом. Потом Иван Петрович обзвонил других и пригласил тоже. Своим родителям сказал, чтобы приезжали с вещами, гостить дальше будут в новой семье. Родители, чувствовалось, остались очень довольны таким раскладом. Да и права Галима, нехорошо, приехав к сыну, гостить у кого-то. К часу собрались все. Стол уже был

накрыт. Иван Петрович был поражен, как быстро его молодая жена всего наготовила. У нее под рукой было не все, что нужно было для татарской кухни, но она смогла найти выход из положения. Пельмени были налеплены и сварены. Обычно пельменями в бульоне у татар теща угощает зятя, но, к сожалению, тещи не было. Были приготовлены и эчпомак с жирной бараниной и луком, и даже испечен пирог губадия с многослойной начинкой. Была и просто баранина, в кастрюлях стоял бульон.

– Аллах, хлеба то нет. Ванечка, пожалуйста, за хлебом сбегай.

У татар ни одно застолье без хлеба не обходится. Иван Петрович быстро оделся и пошел в магазин за хлебом. Придя домой, он застал уже Марса с папой жены, своих родителей и тетю Салиму с мужем. Начали подходить еще гости. Пришла Фарида Иметовна тоже с мужем, пришли коллеги Ивана Петровича. Пришли и подруги Галимы, Агиля и Люда, обе ее однокурсницы, с которыми Галима училась еще в школе, а с Людой они дружили с первого класса школы. Все уселись за стол. По старинному татарскому обычаю хлеб должен нарезать старший в семье и роль эту взял на себя папа Галимы, Багид, которого еще все звали Аба или добавляли это к его имени. Он нарезал хлеб.

– Папа, ты у нас сегодня хозяин и поступай так, как ты поступал бы в своем доме, – Галима сказала, зная, что этим не будет нарушен обычай и что отцу будет приятно.

– Да, да, пожалуйста, будьте за хозяина и за старшего, – начали просить все.

Багид встал и поклонился всем.

– Спасибо.

Из спиртного была водка, которую татары давно переняли у русских соседей, родители Ивана Петровича привезли с собой домашнего вина, которое им в свою очередь привезли в Москву родственники из одной южной станицы, где родилась мама Ивана Петровича, кто-то из гостей принес и кумыс. Во главе стола сидел папа Галимы, другую стороны стола занимали Галима и Иван Петрович. Галима не спускала сияющих глаз с мужа, он же только диву давался ее кулинарным способностям и быстроте ее кухонных дел. Багид налил всем мужчинам водки, женщинам наливали Марс и Иван Петрович того, что они просили.

– Мне водки, – сказала Ольга Семеновна, – я ведь казачка, у нас с татарами много общего. Как и у татар, у нас любимое мясо баранина.

– И мне водки тоже, – сказала тетя Салима.

Багид встал.

– Дорогие гости, я рад, что вы пришли в мой дом. А повод вы знаете. Я выдал замуж мою любимую дочь. Но отдавал я ее Ване без печали, зная, что моя дочь будет с ним счастлива. И все-таки грусть небольшая есть. Растишь, растишь дочь, а ее забирает кто-то. Хорошо, что в нашем случае забрал Ваня, я хоть спокоен буду. Пожелаем же счастья молодой се-

мье. Ты, Галима, помни, что слово мужа для тебя закон. А тебя, Ваня, попрошу прощать ошибки моей доченьки, ибо ошибок не делает только тот, кто ничего не делает. Для мужчины нельзя быть подкаблучником, но к женскому совету нужно прислушиваться внимательно. Еще раз счастья вам, а нам с родителями Вани хороших внуков.

– Хорошо сказано! – воскликнула мама Ивана Петровича.

Все встали и выпили. Иван Петрович и Галима только прикоснулись губами к рюмкам, но не выпили ни грамма. Пока не зачнется новая жизнь у Галимы, они договорились что Иван Петрович не будет пить. А потом Галиме и пить нельзя будет. Но это и не было проблемой: не были они любителями спиртного. Все сделали вид, что не заметили этого, хорошо понимая причину. Застолье тихо зашумело разговором, потом разговоры стали громче. Багид налил бульон с пельменями, Галима быстро вскочила и поставила тарелку перед мужем. Этим отец молодой жены оказывал почесть своему зятю по татарской традиции. Родители Ивана Петровича не спускали глаз со снохи, радуясь от души ее женской красоте и расторопности. Она заметила их взгляды, прильнула к плечу мужа и счастливо улыбнулась им. Ольга Семеновна не выдержала, подошла к сыну с невесткой. Галима встала навстречу. Ольга Семеновна обняла ее, крепко прижала и несколько раз поцеловала.

– Теперь будет у меня и доченька. Да еще какая! А то одни мужики.

У нее было трое сыновей. Свекровь и сноха по-женски всплакнули.

С наполненной рюмкой встал Марс.

– Сестренка, ты обрела свое счастье. Я уверен, что ты будешь прекрасной женой. И дети у вас с Иваном будут замечательные. А я буду только радоваться на вас. Счастья вам и долгих лет жизни.

И все снова выпили, заговорили, высказывая свои пожелания и советы. Было всем легко и хорошо и от выпитого, и оттого, что собрались вместе хорошие люди. А это много значит. Хороший человек он же на вес золота, он намного дороже золота. От хорошего человека теплом веет, его сразу видно.

Сидели допоздна, расходились все уже после девяти вечера. Все были довольны, радостны. Галима прильнула к отцу, он ее погладил по голове, как маленькую. Она любила эту ласку, оставшуюся с детства. Марс по свое привычке слегка шелкнул по носу Галиму, потом расцеловал в обе щеки. «Смотри, чтобы первый мальчик был» – шепнул он. «Первой будет девочка, Ванечка девочку первую хочет» – слукавила Галима, это она хотела девочку. «Девочка тоже хорошо». Фарида Иметовна тоже расцеловала Галиму, подружки завидовали ей, но по-хорошему. Тетя Салима тоже тепло поцеловала счастливую Галиму. Все ушли. Галима начала убираться, Иван Петрович тоже подключился к уборке. Мама Ивана Петровича хотела помочь, но ее убедили, что сами

справятся. Галима протерла вымытую посуду, все сложила на места, муж протер влажной шваброй полы. Через минут сорок все сияло чистотой и порядком.

Галима расстелила постель в спальне для родителей мужа, а для себя и мужа раздвинула складывающийся диван. Еще с часик посидели, поговорили с родителями и потом легли отдыхать. Утром, как и вчера, Иван Петрович не нашел рядом своей милой женушки. Она уже давно хлопотала на кухне. Он прошел на кухню как был в трусах, она бросилась ему навстречу, обняла и нацеловала щеки и губы.

– Милая, ты так рано встаешь.

– Я и обязана рано вставать. Я ведь женщина. Вот родятся дети, подрастут, я их всех кормить и поить буду, только свежим и вкусным. Иди мойся.

Выйдя из ванной, Иван Петрович увидел маму, она о чем-то говорила с Галимой. Потом мама, не скрывая своей радости, сказала: «Ваня, тебе досталась не жена, а само счастье к тебе пришло. Если обидишь, знать тебя не буду». Галима зарделась и весело засмеялась. Иван Петрович обнял ее за плечи.

– Зачем же ее обижать? Если я ее обижу даже случайно, я не прощу себе этого.

Подошел отец. Глянул на стол в кухне и покачал головой.

– Ранняя ты птичка, Галимочка. Настоящий жаворонок.

– Не умею по-другому. Я люблю домашний уют, люблю готовить, а готовить для дорогих людей для меня удоволь-

ствие. Простите, не могу другой быть. Я без дела никогда не сижу, я чахну без дела.

– Ваня, бери во всем пример с нее. Я сердцем чувствую, что это подарок тебе от Бога.

– Прямо захвалили, – снова засмушалась Галима.

Сели завтракать, все приготовленное было вкусно, чай пахнул изумительным ароматом. Папа Ивана Петровича, обычно немногословный, только одобрительно покачивал головой и причмокивал, мама бросала ласковые взгляды на Галиму. Галима чувствовала, что родители Вани очень довольны нею и тихо млела в душе, так ей было это приятно. Иван Петрович чувствовал, что гордость за жену распирает ему грудь. И еще он чувствовал, что сила любви к Галиме все больше охватывает его и он рад был, что этому не было предела. «Господи, – думал он, – как же так, я ходил возле нее, видел ее и не замечал ее. А если бы это так и продолжалось до сегодняшнего дня?» Он даже вздрогнул от такой возможности. «Ничем я это не могу объяснить, как только вмешательством высших сил. Это они показали нам друг друга и толкнули друг к другу. И все, кажущиеся многочисленными препятствия мгновенно исчезли. И она у меня есть. И не только есть, но и будет». Видимо глаза у него были соответственно мыслям, потому что все обратили взоры на него, а любимая толкнула его в бок кулачком.

– Ты о чем замечтался?

– Господи, о чем я могу замечтаться, как только не о тебе.

– И что ты там увидел в своих мечтах?

– Тебя.

– Одну?

– Нет, с нашими детьми.

Галима положила свое лицо на его грудь.

– Хорошо то как.

Родители засмеялись.

– Все у вас будет, а без детей нельзя, без детей это не семья. Я понимаю людей, которые по какой-то причине не могут иметь детей, но никогда не понимала и не пойму людей, не желающих иметь детей, – сказала мама.

– Я хочу, – тихо сказала Галима.

– Я тоже, – сказал серьезно Иван Петрович.

Всем было легко и счастливо. Особенно молодоженам. Ольга Семеновна не сводила довольного взгляда с Галимы. Постепенно все входило в привычный быт. Иван Петрович ходил преподавал в институте, работал над диссертацией. Галима тоже бегала на лекции в институт, когда лекцию читал муж, то молчала, не высывалась. Если возникали вопросы, спрашивала дома. Звала его не иначе, как Ванечка. Иван Петрович придумал для жены ласковое имя, называл ее Гимочка. Это он так сократил имя Галимочка. Галиме нравилось такое имя, она с удовольствием слушала его из уст Ивана Петровича. Подошло время уезжать родителям Ивана Петровича. Галима помогла им собраться, вечером пришли попрощаться Марс и папа Галимы, тетя Салима с мужем. На

другой день после обеда родителей посадили на московский поезд. Ольга Семеновна обнимала Галиму, говорила ей ласковые слова, немного наставляла жизни. Галима все принимала с благодарностью. Гости сели в вагон и минут через пять поезд пошел. Родители махали руками из закрытого окна, потом их стало не видно. Супруги пошли домой.

– Я как-то привыкла к ним, они у тебя хорошие люди, – сказала Галима дома.

– Да, я их очень уважаю и люблю. Летом пригласим их в гости или сами поедem в Москву.

Жизнь текла своим чередом. Времени иногда даже не хватало. Галима также вставала рано, готовила завтрак, Иван Петрович старался не отставать от нее, вставал тоже пораньше. Так прошел месяц совместной жизни. Однажды Иван Петрович сидел вечером и работал над диссертацией. Гимочка пошла в ванную мыться. Минут через пять она выскочила из ванной в чем мать родила. Иван Петрович невольно залюбовался ее красивым телом. Лицо у Гимочки было растерянное и радостное в одно и то же время. Иван Петрович понял, что что-то случилось хорошее. Гимочка подбежала к мужу, и он усадил ее на колени, как маленькую, потом взял на руки перешел с ней на диван. Взял лежавшую на диване большую махровую простыню, укутал Гимочку, прижал к себе.

– Рассказывай, что случилось?

– Я.. я, кажется, беременна.

– Прекрасно, откуда у тебя такие выводы?

– У меня месячные должны были начаться еще неделю назад, но их нет. Я с подружками поговорила, они посоветовали в аптеке купить тест на беременность. Я купила и сейчас проверила, тест дает положительный результат на беременность.

– Гимочка, любимая моя маленькая женщина, ты даже не знаешь какую радость ты мне принесла. Я на седьмом небе. Это же надо, Гимочка мамой будет!

– А ты папой!

– Дай Бог! Рада?

– Очень рада... И страшно немного. Чувство какое-то странное, что в моем теле я не одна.

– Не бойся. Все у нас с тобой будет прекрасно. А что не одна, то это же дар свыше. Придет новый маленький человечек и совместит в себе и тебя, и меня. Мы его любить будем!

– Я его уже сейчас люблю. И тебя сильнее люблю.

– И я тебя сильнее люблю, чем раньше.

Гимочка притихла у него на руках и заснула. Иван Перович испытывал к ней такую нежность, такую любовь, что словами все высказать не смог бы, он чувствовал эту нежность и эту любовь всей своей сущностью. Гимочка спала, слегка посапывая носом, положив голову на грудь Ивану Петровичу. Он не будил жену, ему было хорошо и приятно так сидеть. Он бы просидел так до утра, но после двенадцати Гимочка открыла глаза и ахнула.

– Это что же я делаю, ты ведь устал держать меня! Пойдем спать, уже поздно.

– Не устал, хорошо так.

Он отнес жену в спальню и положил ее на кровать. Разделся сам и лег рядом. Гимочка уже опять спала. Он порадовался ее способности засыпать быстро и крепко. Приобнял Гимочку, она почмокала губами, положила голову на плечо мужа, тихонько засопела. Иван Петрович долго еще лежал с открытыми глазами, думал. Он удивлялся жизни и ее оборотам. Ведь были рядом больше года, встречались каждый день, а внимания друг на друга не обращали. И вдруг случилось так, что и жизни друг без друга не мыслим. Как это возникает, почему? Это все-таки дает Бог. Атеистов жаль, они лишают себя многого, что приходит в душу. Это же так и называется – духовное, духовная сторона жизни. Не обязательно ходить в церковь, мечеть, синагогу. У Бога религий нет, религии придумали люди. Религиозная рознь самая глупая. Бог он один и один. И для него все люди равны. И зачастую приверженец каждой религии мнит, что только его религия правильная. А это уже глупость. Вон и теща подпала под это влияние, для нее Ислам закрывает все. А Богу все равно, кому ты молишься, для него важно, как ты живешь. Живешь добром, помогаешь другим, не осуждаешь других и тебе в ответ приходит хорошее в жизни. Тещу было жалко, она слишком погрузилась в религию и считала, что только Ислам правильная религия. Таких фанатичных последовате-

лей хватает и в Христианстве, и в Иудаизме. Это же надо, даже на разрыв с дочерью пошла. Иван Петрович видел, что Гимочка тяжело переживает этот разрыв, хотя и не подает виду. И дал себе слово навести мосты к теще. Сперва хотя бы Гимочку помирить с мамой, а там, глядишь, она и зятя сможет понять. Плыли в голове мысли, шло ночное время, а сон не приходил. Посапывала во сне Гимочка, у нее это выходило как у маленького ребенка, ее головка покоилась на плече Ивана Петровича и он чувствовал такой прилив нежности к любимой, что даже немного крепче прижал ее к себе. Нет ничего прекраснее для человека, чем любовь к своей второй половинке. И Иван Петрович в мыслях благодарил Бога, что дал он ему такую любовь, за то, что и ответная любовь была такая же. Иван Петрович пришел к Богу не совсем обычным путем, не относил себя ни к какой религии, но твердо верил, что Бог есть. Он пришел к Богу не по наследственным традициям, что, как он считал, тоже неплохо, он пришел к Богу путем размышлений и сопоставлений. В природе все разумно и эта разумность наталкивала на мысль, что все вокруг создано тоже разумом. Разумом Великим, намного превосходящим разум человека. Просто так не могла создаться Вселенная. Большой взрыв? Значит он кому-то нужен был, если он произошел. Он лежал, погружаясь все глубже в размышления, а сон никак не шел. Посмотрел на часы, было уже половина пятого. Скоро и вставать. Гимочка пошевелилась немного, во сне поцарапала ноготком грудь

Ивана Петровича, приняла более удобную позу и снова тихо засопела. Хорошая жена ему дана Богом, нужно беречь ее. Да еще, надо же! – новая жизнь в ней зачалась. Это же удивительно. От большой любви и дети прекрасные получаются, а уж у Гимочки дети будут сама прелесть. И он представил, как они будут гулять с детьми по улице, как пойдут в парк, как поедут за город в лес, на рыбалку. Пошли картины их будущего и Иван Петрович, наконец, заснул. Проснулся он оттого, что проснулась Гимочка. Она потерлась своей щекой о его щеку, легонько чмокнула его и начала вставать. Иван Петрович посмотрел на часы – половина шестого. Он прижал Гимочку к себе.

– Ты куда так рано?

– А ты чего не спишь? Я всегда так встаю.

– А я не мог заснуть очень долго, заснул с полчаса назад.

– Почему?

– Всякие мысли лезли в голову.

– Хорошие?

– И хорошие тоже. О тебе думал. А о тебе разве можно думать плохо?

Она засмеялась. Потом прижалась к нему и прошептала:

– Я хочу тебе приятное сделать.

– Что?

– Любовь свою подарить, вкусное приготовить.

– Любовь с удовольствием возьму, но ты бы лучше отдыхала. Ты же теперь за двоих отвечаешь.

Она обняла мужа за шею одной рукой, крепко прижалась своими налитыми крепкими грудями к его груди,, другой рукой нежно гладила его голый живот , страстными поцелуями вызвала ответную страсть и они погрузились в рай. После лежали, отдыхая, расслабленные, довольные. Потом Гимочка встала.

– Лежи, куда ты?

– Хорошего понемножку, Ванечка. А я пойду завтрак готовить. Не умею я с детства бездельничать. А ты не спал, как целый день будешь работать?

– Теперь уже и не засну.

– Поспи хотя бы часик еще. Я тебя позову на завтрак.

– Попробую.

Гимочка ушла в ванную, оттуда на кухню. Иван Петрович и вправду заснул. Но спал недолго, проснулся сам. После завтрака Иван Петрович начал разговор о маме Гимочки.

– Гимочка, милая моя, как же нам найти дорогу к твоей маме? Я все готов сделать для этого.

– Не знаю, Ваня, мне плохо от всего этого. Хотя и папа, и Марс понимают меня, но маму я тоже люблю.

– Давай я позвоню ей сейчас?

– Звони. Если бы она хотя бы раз приехала к нам! А то и к себе не зовет, и к нам не ездит. Но она же моя мама, неужели ей хочется, чтобы мне было плохо?

– Не думаю.

Иван Петрович набрал номер телефона. Трубку подняла

мама Гимочки, мужчины, как видно, уже ушли на работу.

– Здравствуй Флюра Агимовна. Это Иван, муж Галимы.

– Я не хочу с вами говорить. Вы нехороший человек и поступили с моей дочерью очень нехорошо. Вы старше нее намного и должны были понимать, что делаете.

– Я не хочу спорить с вами, но вы неправы. Галима страдает из-за вашего разрыва, мне тоже не по себе. Что бы вы посоветовали мне сделать, чтобы вы примирились с дочерью? Ведь это же ваша дочь.

– Оставить ее.

– Этого никогда не будет. Нам нашу любовь сам Бог дал. Хотите, я приму Ислам? Буду мусульманином. Правда, мусульманином я буду плохим, из меня и христианин никудышный. У меня к Богу своя дорога.

На другом конце провода молчали. Потом послышалось всхлипывание, мама Гимочки плакала. Ей тоже было нелегко.

– Я подумаю.

– Я хочу вам сказать одну новость. Вы первая, кто услышит это.

– Говорите, я вся внимание.

– Галимочка беременна. Если родится девочка, я даю слово, что назову ее вашим именем.

– Моя девочка беременна? О, Аллах. Это же какое счастье! А я... я...

В трубке слышались рыдания.

– А вы от этого счастья отказываетесь. А каково Галимочке думать о том, что ее мама не хочет ее знать? Вы подумайте обо всем.

В трубке слышался плач мамы Гимочки, потом она с всхлипываниями сказала:

– Вы мне сломали голову, я не могу ничего придумать. Сегодня пойду к имаму, поговорю с ним. Может быть он что-то мне подскажет.

– А от имама сразу к нам. Будете самым дорогим гостем.

На этом их разговор закончился. Иван Петрович все пересказал Гимочке. У той тоже слезы навернулись.

– Ванечка, а ты дипломат. Я чувствую, что мы помиримся с мамой. А если она скажет, чтобы ты принял Ислам, и вправду примешь?

– Приму, почему нет? Для Бога это приемлемо, я так думаю.

– Хорошо, подождем, что ей скажет имам.

Они собрались и оба пошли в институт. Муж работать, а жена учиться. Вечером, когда супруги уже были дома, раздался телефонный звонок. Звонил папа Гимочки. Он сказал, что через полчаса он и мама Гимочки приедут к ним. Гимочка даже подпрыгнула от радости и удивления и захлопала в ладоши. Приехали втроем, Марс тоже приехал с ними. Флюра Агимовна прямо у порога разрыдалась.

– Доченька, милая, прости мою глупость. Даже на свадьбе не погуляла на твоей. Прости если можешь. Затмило меня

совсем. Хорошо, что Ваня твой позвонил и что я побывала у имама.

– Что тебе имам сказал, мама?

– Он меня отругал. И многому просветил в религии. Очень умный человек. Про твоего мужа слышал, они с Накиповым дружат и тот отзывался о Ване лучшими словами. Имам сказал, что у таких людей, как Накипов, не может быть плохих знакомых. А еще рассказал мне удивительную вещь. Оказывается, в некоторых, особенно старых изданиях Корана, есть сура, в которой говорится: «Если правоверный мусульманин увидел храм Иссy, то он может зайти туда и помолиться». Я была поражена этим. Имам все объяснил. Особенно ругал меня за противление вашему браку. Он говорит, что татарско-русские семьи – давняя традиция, длящаяся много веков. Таких семей тысячи. Простите меня, дети. У меня как завеса с глаз упала.

– Меньше ходила бы по дурацким кружкам, которые поткрывали иностранцы, а больше бы слушала своих мул и имамов, – вставил Марс.

Флюра Агимовна обняла дочь, та ее гладила по спине и успокаивала. А у самой тоже слезы стояли в глазах.

Мама, как я рада, что ты пришла. Это для меня святой день. Какая же ты умная и хорошая.

– Благодарю своего мужа, Галима, это он сегодня позвонил, и я решила идти советоваться к имаму. Ваня, прости меня, простите дети, если можете.

– Все, забыли об этом! – сказал Иван Петрович, – А тебе, Галимочка, нужно успокоиться, тебе нельзя волноваться.

– Я знаю, Ванечка. Я не буду.

Марс отозвал Ивана Петровича в сторону.

– Что с Галимой? Что-то мама отцу всю дорогу нашептывала. Уж не беременна ли она?

– Ты угадал. Мы сами об этом узнали только вчера, утром я об этом маме сказал.

– Вот благодать! Парня давайте!

– Галимочка девочку хочет.

– А ты?

– А мне все равно, кто родится. Но раз Галимочка хочет девочку, то пусть будет девочка.

– Второго только парня. А то я с вами рассорюсь, – захотел Марс.

Иван Петрович был от души рад, что удалось помирить Гимочку и ее маму. Этим он снял с души большую тяжесть, так как чувствовал в этом раздоре себя виноватым. Теща стала постоянным гостем в доме. Часто оставалась ночевать, позвонив мужу, что не приедет домой. Постепенно зять и теща сходились ближе и ближе, Флюра Агимовна поняла, что зять хороший человек. Этому не могла не радоваться Гимочка. Шли дни, прошел месяц, второй, третий. У Гимочки начал заметно округляться животик, иногда ее тянуло на кисленькое. Мама Гимочки старалась вовсю, приносила ей соленья. Багид с Марсом тоже часто заглядывали в гости. Все лади-

лось. Гимочка, несмотря на беременность, учебу не бросала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.